СЛАВИСТИЧКИ СТУДИИ

1983

СЛАВИСТИЧКИ СТУДИИ

1983

Излегувањето на списанието е овозможено од материјалната поддршка на Фондот за издавачка дејност при Заедницата за научни дејности на СРМ.

СЛАВИСТИЧКИ СТУДИИ

СПИСАНИЕ ЗА РУСИСТИКА, ПОЛОНИСТИКА И БОХЕМИСТИКА

Орган на Катедрата за источнословенски и западнословенски јазици при Филолошкиот факултет на Универзитетот „Кирил и Методиј“ во Скопје

Год. III 1983 Скопје

СОДРЖИНА

Прикази и библиографија:

ЈАЗИК

Р. М. Вайнтрауб

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК (К ВОПРОСУ О РУССКО-ПОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ)

Одной из актуальнейших проблем языкознания на современном этапе является проблема языковых контактов. Термин „контакт" в советском языкознании впервые употребляется (дважды) в 1925 году Л. В. Щербой, однако, в лингвистической науке термин „языковые контакты" был предложен А. Мартине и получил признание и распространение после выхода в свет в 1953 году труда У. Вайнрайха „Языковые контакты".

Но это не значит, что раньше этой проблемой ученые не занимались. Проблема языковых контактов в прошлом не совсем точно обозначалась терминами „смешение" или „скрещение" языков. Л. В-Щерба, считавший эти термины самыми неясными в современной лингвистике, предложил вместо них термин „взаимное влияние языков.

Наряду с этим термином, употребляются также и другие, из которых наиболее распространенными являются „взаимовлияние языков" и „взаимодействие языков".

„Взаимовлияние языков, пишет В. А. Серебренников, — являются вполне реальным и объективным действительности, фактом мимо которой не может пройти лингвистическая наука"

О справедливости этих слов свидетельствует тот факт, что вопрос о взаимовлиянии и взаимодействии языков был в центре внимания всех выдающихся лингвистов: В. Гумбольдта, Г. Пауля, Г. Шухардта, И. А. Бодуэна де Куртене, Н. С. Трубецкого, А. Мейе, М. Фасмера, А. Брюкнера, Т. Лер-Сплавинского, Н. Я. Марра, Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова, В. В. Виноградова, Л. Блумфильда, Р. О. Якобсона и других. В зарубежной лингвистической литературе последних лет этому вопросу посвятили специальные работы Э. Фауген, Г. Фогт, Л. Деруа, К. Шенфельдер. В советском языкознании по данной проблеме были опубликованы монографии В. В. Мартынова, Л. П. Крысина, И. К. Белодеда, Е. М. Верещагина, Ю. А. Жлуктенко, Т. П. Ильященко, В. Ю. Розенцвейга, Ю. Д. Дешериева и других исследователей, а также коллек-

тивный труд „Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР“, в котором авторы рассматривают различные стороны взаимовлияния русского языка и языков народов СССР

Как известно, под „взаимодействием языков“ в лингвистической литературе понимается всевозможные разновидности взаимовлияния языков. „Содержание проблемы взаимодействия языков и диалектов, — пишет Б. В. Горнунг, — совершенно точно определяется как исследование, с одной стороны, абстрагируемых от реальной исторической действительности типов взаимодействия, которые обуславливаются чисто структурными соотношениями систем взаимодействующих языков и диалектов, а с другой стороны, — форм взаимодействия, в которых реализируются эти типы в безграничном многообразии исторической действительности“.

Взаимодействовать между собой могут как неродственные, так и родственные языки, а также диалекты одного и того же языка, включая взаимодействие литературного языка и диалектов. В конкретных исторических условиях каждый из этих типов взаимодействия создает самые разнообразные его формы.

Чаще всего взаимодействие языков осуществляется в результате длительного контакта двух народов на одной территории или на смежных территориях, вследствие чего на их рубежах появляется по необходимости двуязычность или многоязычность — „полиглотизм, как определял Бодуен де Куртене, ведущий к смешению языков“. И поскольку ни один народ не живет изолированно, „нет и не может быть ни одного чистого, не смешанного языкового целого“. Действительно, опыт изучения лексики разных языков показывает, что во всем многообразии языков народов с достаточно высокой развитой культурой нет ни одного языка, который, бы формировался в полной изоляции от внешних влияний, который бы в известной степени не воздействовал на другие соседние языки и сам не усваивал тех или иныхэлементов другого языка.

Е. М. Верещагин отмечает, что „теоретически неправомерно предполагать возможность существования абсолютно гомогенного языка, т.е. языка, свободного от иноязычных влияний“.

„Ни один язык, — подчеркивает Б. В. Гортунг, — не развивался без взаимодействия с другими языками. Даже в тех случаях, когда один язык занимал большую, географически однородную и малозаселенную территорию, взаимодействие, хотя и очень незначительное, все же имело место“.

Взаимодействие языков может проходить и вне территориального контактирования и даже, как указывает А. А. Реформатский, „когда носители одного языка имеют территорию, а у другого языка нет ни территории, ни „носителей“, — таковы взаимодействия живых и мертвых языков (например, русского и латинского). Таковым, кстати, было взаимодействие польского и латинского языков.

Взаимодействие языков осуществляется как в сфере устной речи, так и на уровне письменных языков, бывает непосредственным и опосредствованным, через третьи языки. Все эти многообразные формы взаимодействия дают в каждом отдельном случае разные результаты: субстратные явления, заимствование, инфильтрацию, трансференцию.

Субстрат и заимствование, — пишет В. И. Абаев, — представляют проникновение элементов одной системы в другую. Но при субстрате это проникновение несравненно глубже, интимнее, значительнее". Субстрат оказывает влияние на фонологческую систему и парадигматическую морфологию, что является результатом глубокого взаимопроникновения двух языков. Заимствование же касается преимущественно лексики, которая является „самой восприимчивой сферой для всякого рода иноязычных влияний". Это объясняется тем, что лексика языка в отличие от наиболее организованной фонологической и морфологической системы представляет собою открытую систему, обнаруживает, по выражению Г. Фогта, „максимальную рыхлость, и поэтому лексические заимствования совершаются беспрепятственно". П. Л. Крысин отмечает, что, „лексическое заимствование является как бы первой ступенью иноязычного влияния".

Что касается лексического взаимодействия языков, то следут различать два его вида: собственно заимствование и проникновение (инфильтрацию). Разграничение В. В. Мартыновым этих двух видов лексического взаимодействия представляется весьма существенным. Процесс заимствования „предполагает в качестве необходимого и достаточного условия культурное влияние и экспорт—импорт реалий (новые орудия и средства производства, новые понятия общественной жизни)". Проникновение „предполагает в качестве необходимого и достаточного условия территориальную смежность и пограничное двуязычие". В свою очередь, в процессе заимствования иноязычной лексики следует различать заимствования лексических единиц и калькирование.

Обычно заимствуются слова — от отдельных слов до сотен и тысяч, поэтому „лексика должна быть признана основной сферой заимствований". Заимствование лексики является „важным источником словарного состава языка, важным фактором эволюции языка. Наличие в лексике языка слов, заимствованных из других языков, не нарушает самобытности языка и отнюдь не свидетельствует о его бедности или слабости. Здесь уместно привести слова Л. Тоблера: „Заимствования и употребление иноязычных слов — это не вред и не позор, а польза и честь; не тщеславная роскошь, а настоятельная потребность; не искажение, а в определенных обстоятельствах украшение; не свидетельство бедности, а богатства, не свидетельство варварской грубости, а показатель утонченной культуры".

То же отмечают и другие исследователи. Так, В. Н. Ярцева ссылаясь на Г. Шухардта, также отмечает, что обилие заимствованных слов не портит язык, не нарушает его целостности: „Язык впитавший в себя при столкновении с другим много чужих слов, обогащается за

счет другого языка". Правда, иногда проникновенце и употребление иноязычных слов вызвано в определенный период модой или тщеславным снобизмом, но против таких проникновений борется языковая сознательность народа, и чем она вышс, тем выше спопротивляемость языка в отношении такого рода иноязычных влияний. Именно против таких употреблений иноязычных слов без надобности выступал В. И. Ленин.

Однако лексическое заимствование, как подчеркивает Ш. Балли, всегда было нормальной функцией лингвистической жизни и как процесс свойственно в той или иной степени всем естественным языкам.

Заимствованные слова в языке являются показателями экономических, политических, культурных и других связей между народами ,,символами и показателями культурных обменов между народами, свидетельством влияния, которые одни культуры оказывают на другие".

Обычно влияние оказывает язык того народа, который раньше других разработал систему лексичко-фразеологических средств в данной области общественной жизни и культуры. Э. Сепир перечисляет пять языков, иоторые в течение веков оказывали значительное влияние на другие языки. Это языки китайский (классический), санскрит, арабский, греческий, латинский, которые были проводниками соответствующих культур: древнекитайской (буддизма), арабской (магометизма) и классической средиземноморской цивилизации.

В нашу эпоху такую роль играет русский язык, язык народа, совершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию, положившую начало новой эпохе в истории человечества. ,,Есть счастливые народы и страны, писал польский писатель Леон Кручковский — которые завоевывают себе в истории исключительную привилегию они становятся как бы магнетическим полюсом судеб человечества, к которым тяготеют мысли и чувства человеческих масс, принадлежащих к другим народам и странам. Они становятся как бы вторыми роди нами для всех людей эпохи, верящих в сформулированные этой эпохой идеалы прогресса, братства и справедливости. Таким полюсом судеб человечества был в первых веках христианства Рим, такой страной была в течение XIX века века Франция, такая роль выпала в нашу эпоху Советскому Союзу".

Мы позволили себе привести эту большую цитату, потому что она как нельзя лучше характеризует роль и значение Советского Союза в наше время ,,удивительное, чудесное время свершений лучших надежд и самых высоких идеалов человечества", и вследствие этого роль и значение русского языка в современном мире. Русский язык стал одним из мировых языков. Языком дружбы и братства называет русский язык Ш. Р. Рашидов: ,,Русское слово, — пишет первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, — слово мира, дружбы и свєтлых надежд — связывает воедино судьбы и чаяния народов, наций и народностей, приобщая одних к духовным сокровищам других, усиливая идейное единство,

обогащая и сближая их культуру, помагая всем вместе идти вперед по пути прогресса и процветания".

Русский язык как проводник высшей, социалистической культуры стал важным источником обогащения интернационального лексического фонда. ,,Он несет всесму человечеству идеологическое влияение социалистической революции, — писал В. Виноградов, — из него входят в интернациональную мировую сокровищницу термины и выражения, в которых воплощается новый мир быта и мышления, фор мирующийся на основе макрсистичко-ленинской идеологии в процессе новых, невиданных ещё человечеством форм общественной жизни.

Ведущая роль СССР в построении социалистического общества и мировое значение современной советской культуры, как подчеркивал Л. Андрейчин, создает условия для такого рода влияния не только на языки социалистических сраан, но и на многие другие языки.

Новые понятия, вызванные в жизни социалистическим строительством в Советском Союзе, нашли свое отражение в многочисленных лексических заимствованиях и кальках русских слов и выражений во всех языках мира. Не составляет исключения в этом одношении и польский язык, который, начиная уже с XVIII века и на всем протежении XIX и XX веков, испытывает значительное влияние со стороны русского языка.

Существуют факторы, способствующие проникновению (интерференции) чужих элементов в данный язык при взаимодействии языков, и факторы, противодействующие этому. Они бывают, как указывает У. Вайнрайх, экстралингвистические и структурные. Экстралингвистические — это социально-культурные и психологические факторы, а также билингвизм. Экстралингвистические факторы (например, отношения между народами-носителями взаимодействующих языков) могут в разные исторические периоды и способствовать, и противодействовать проникновению чужих элементов. Большую роль здесь играет такой очень важный психологическиd фактор, как престиж народа, чей язык является источником заимствования: чем больше социаль ная значимость народа, тем большее воздействие оказывает его язык на языки других народов. О значении престижного фактора убедительно говорит Б. Конески: ,,Контакт с престижным языком — это такой существенный фактор в процессе формирования новых литературных языков, что его действие находим иногда даже и там, где на первый взгляд мы бы и не предполагали его встретить". Этому фактору может противостоять на менее важный психологический фактор — языковая сознательность народа, привязанность к родному языку: чем выше языковая сознательность народа, тем больше сопротивляемость его языка внешнему влиянию.

Это положение убедительно подтверждается различным отношением поляков к русскому языку в дооктябрьский период и в настоящее время.

На польской территории, включенной в результате разделов Польши в состав Российского государства, в течение более 100 лет русский язык насаждалася насильственным путем: царское правительство проводило политику насильственной языковой ассимиляции польского народа, вызывавшую естетственное сопротивление. Сопротивление русификации было одной из форм выражения национального самосознания поляков и их борьбы за национальную независимость.

Совсем по-другому относятся поляки к русскому языку теперь, после образования П9льской Народной Республики. Русский язык изучается не из-под палки, а добровольно. Широкие слои польского народа воспринимают русский язык прежде всего как язык народа, совершившего Великую Откгябрьскую социалистическую революцию, сыгравшую роль в восстановлении независимого польского государства, язык народа, с которым польский народ рука об руку боролся против фашистского порабощения, язык народа, который оказывает братскую помощь в строительстве социализма в Польше. Интерес трудящихся к советской культуре является той благоприятной почвой, которая способствует проникновению лексических элементов из русского языка в словарный состав современного польского языка.

Руский язык изучается в средних общеобразовательных и специальных школах и техникумах, в высших учебных заведениях, а также на многочисленных курсах, участниками которых являются работники внешнеторговых предприятий, техническая интеллигенция, научные работники, рабочие, продавцы, сотрудники туристических обществ и т.п.

В настоящее время в Польше более 6 миллионов человек изучает русский язык. Одних только учителей русского языка имеется свыше 50 тысяч.

Такие цифры называли в 1969 году С. Святковский и Ф. Неуважный, участники первой международной конференции русистов, состоявшейся в Москве (См, „Известия", 1969, No 210 „Мир учится русскому"). Следовательно, значительная часть населения Польши знакома с русским языком, является в какой-то степени двуязычной, и это (билингвизм) также является важным фактором, способствующим проникновению многих русских слов в польский язык. Согласно социологической квалификации билингвизма, предложенной Е. М. Верещагиным (4, 41—42), польско-русский билингвизм большей к части членов польской языковой общности может быть охракатеризован как групповой продуктивный тип. Именно речь польско-русских билингвистов является той основной базой, откуда в польский язык проникают лексические элементы русского языка.

В устной речи поляков встречается много русских слов и выражений — от варваризмов до самых тонких калек. Некоторые из них употребляются довольно редко, окказионально, другие широко распристранены. Большая частота употребления и широкая распространенность способствует закреплению русских заимствований (в широком смысле) в письменном литературном языке, и тогда они становятсяь элементами лексической системы польского языка.

Важным фактором, способствующим проникновению элементов одного языка в другой, является генетическая и структурная общность контактирующих языков. „Степень влияния одного языка на другой, — пишет И. В. Арнольд, — в значительной мере зависит от языкового фактора, а именно: от степени близости взаимодействующих языков, т.е. от того, являются ли они близкородственными или нет“.

В. А. Звегинцев убедительно показывает, что большая или меньшая структурная и генетическая общность контактирующих языков способствует (или препятствует) не только заимствованию, но и процессам адаптации заимствованной лексики в новой языковой среде.

Близкое родство польского и русского языков, наличие общих черт в способнах слобобразования: сочетания слов способствует не только прямому заимствованию, но и созданию в польском языке словообразовательных, фразеологических и сематических калек русских слов и выражений.

Лексическое заимствование и калькирование — это две разновидности процесса заимствования русской лексики польских языком, и они в равной степени способствуют обогащению лексической системы современного польского литературного языка.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧКИТЕ ФАКТОРИ НА ВЛИЈАНИЕТО НА РУСКИОТ ЈАЗИК ВРЗ ПОЛСКИОТ

(Кон прашањето на руско-полските јазични контакти)

Резиме

Оваа статија се осврнува на актуелните проблеми на јазичните контакти на синхрониски план. Се истакнува дека со прашањето на воздејството меѓу одделни јазици се занимавале сите истакнети лингвисти. Во статијата се подвлекува дека до меѓусебно влијание доаѓа како меѓу сродни, така и меѓу несродни јазици, меѓу дијалекти на даден јазик, а исто така и меѓу одреден литературен јазик и дијалектите. Исто така во статијата е истакнато дека во конкретни историски околности јазичното воздејство се реализира преку бројни и разновидни типови и форми.

Конкретизацијата на теоретските гледишта на авторот се илустрирани врз состојбата на воздејството меѓу рускиот и полскиот јазик.

Борис Марков

О ВЫРАЖЕНИИ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ ФОРМАМИ ДРУГИХ НАКЛОНЕНИЙ В РУССКОМ И МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКАХ

В русском, как и в других славянских языках, главным и наиболее распространенным способом выражения побудительных предложений, как известно, является употребление повелительного неклонения с использованием или без использования определенных частиц, служащих для смягчения или усиления приказания. Помимо этого основного способа с функцией выражения побуждения в современном русском языке используются также изъявительное и сослагательное наклонение, инфинитив, определенные частицы, имена существительные и наречия, т.е. использование предложений без словесного выражения сказуемого. В данном случае ограничимся рассмотрением изъявительного и сослагательного наклонения в функции побуждения, т.е. повелительного наклонения.

а) *Изъявительное наклонение*

Выражение оттенков повелительности формами изъявительного наклонения в современном русском языке широко распространено. В большей или меньшей степени значение повелительности выражается всеми существующими временами, т.е. настоящим, простым и сложным будущим и прошедшим временем. Подобно повелительному наклонению различные оттенки повелительности здесь точно также связаны как с употреблением форм того или другого времени, так и с наличием отдельных частиц.

Настоящее время. Значение повелительности в данном случае выражается в основном двумя способами: а) присоединением частиц *пусть*, *пускай*, *да* к форме настоящего или простого будущего времени и б) включительной формой (формой совместного действия). Упомянутые способы характеризуются следующими особенностями.

а) *Присоединение частиц пусть, пускай, да*

Частица *пусть* или *пускай* в данном случае присоединяется преимущественно к форме глагола 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего или простого будущего времени, а частица *да* только к форме 3-го л. ед. и мн. ч.

Частица *пусть* (и *пускай* разг. „То же, что *пусть*" О) „вносит в предложение значение побудительности, волеизъявления" О. Являясь стилистически нейтральной, эта частица присуща как разговорному, так и литературному языку. Ср. напр.:

> *Пусть она читает. — Пусть он вернется вечером. — Пусть идет —. Пусть будет тишина* О.

Помимо присоединения к 3-му л. ед. или мн. ч., где такое употребление является наиболее типичным, частица *пусть* может выступать и с первым лицом. Ср. напр.:

> *Хорошо, пусть я буду первым* О. — *Пусть будет мама, Пусть будет папа, . . . Пусть буду я.*

С упомянутым употреблением частица *пусть* на македонский язык обычно передается при помощи частицы *нека*.

Частица *да*. Употребляется в сочетании с глаголами в форме 3-го л. ед. или мн. ч. настоящего или простого будущего времени, являясь синонимичной частице *пусть*. Со значением оптатива более широким употреблением она характеризовалась в русской класической литературе. Ср. :

> *Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу* П. — *Да здравствует солнце, да скроется тьма* П.

В современном русском языке частица *да* придает высказыванию торжественный характер, и по преимуществу употребляется в лозунгах, призывах и т.п., причем главным образом в сочетаниях „да здравствует (ют), да будет, да будет так"[1]. Ср. напр.:

> *Да здравствует Первое мая!* — *Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая Партия!*, цит. по АГ. — *Да здравствуют рабочие люди всех стран — крикнул Павел* (Г), цит. по ФБ. — *Да будет мир!*, цит по АГ; ср. и примеры типа *Да погибнет враг!* О.

Сочетания этого типа на македонский язык обычно передаются так же с частицей *да*, значительно реже с частицей *нека*. (Ср.: *Да биде мир* и *Нека биде мир*).

---

1 Грамматика русского языка, I, АН СССР, Москва — 1960, стр. 496.

В отдельных, довольно редких случаях, возможно выражение побуждения глаголом в форме 3-го л. без упомянутых частиц. Значение побуждения в данном случае передается преимущественно повелительной интонацией. Ср.

Теперь все слушают! (обращение к учащимся студентки-практикантки"), цит. по Г.

Об употреблении включительной формы (формы совместного действия) см. ниже.

Простое будущее время. Со значением повелительности используются в большей или меньшей степени глаголы во всех трех лицах ед. и мн. ч. Отдельные формы этого типа встречаются только в сочетании с частицей *пусть*, другие употребляются как с частицами (*дай, давай*), так и без их участия.

Форма 1-го л. ед. ч. Данная форма обычно употребляется только в сочетании с частицей *пусть* и служит для выражения „желания, стремления" (АГ, стр. 496), характеризуя главным образом разговорную речь. Ср. напр.:

Уж не мешайте, пусть я расскажу. Не мешайте (Гог), цит. по АГ — *Панаев сказал, чтобы я пришел кнему. Пусть я приду завтра утром* (Черн.), цит. по ФБ.

Форма 2-го л. ед. и мн. ч. Употребление этой формы служит „для выражения приказания, не допускающего ни возражений, ни отказа"[2] Например:

Дашь *табель*, **напишешь**, **раскажешь** ... (обращение к учащемуся студентки-практикантки"), цит. по Г. — *К шести часам ты* **вернешься** *домой* Г; или:

Поедете *назад, тов. Лутонин, на прежнюю должность. Это уже согласовано с директором нашего треста. Стройте, поливайте, сейте*! (Кож.), цит. по Г.

Форма 3-го л. мн. ч.:

На поля **пойдут** *все: полеводы и животноводы*, и *малые ребята* (Ник.), цит. по Г.

Форма 1-го л. мн. ч. выражающая побуждение к совместному действию (включительная форма). „В русском языке так называемая форма императива с/в 1. лица мн. ч. по своему морфематическому составу во всех случаях совпадает с соответсвующей формой индикатива, ср. *мы напишем — напишем*!, *мы пойдем — пойдем*!"[3]. Этот синтетический способ выражения побуждения к совместному действию свойствен преимущественно глаголам совершенного вида, ср.:

[2] *И. Г. Голанов*, Морфология современного русского языка, Москва, 1962, стр. 177.

пойдем(те), *напишем(те)*, *сядем(те)* и т.д. Среди глаголов несовершенного вида такой способ образования императива свойствен лишь незначительной группе однонаправленных глаголов типа *трогаем*! *едемте*!, *идем(те)*!, *несемте*!"

Помимо выражения побуждения к совместному действию, где говорящий принимает участие в действии, форма глагола 1-го л. мн. ч. используется и в значении 2-го л. мн. ч. Ср.: „*подышим поглубже*! — „*Получим билеты*!" — *Послушаем Широкова*" Г; ср. также примеры типа *Как мы себя чувствуем?* Ч.

Отдельные грамматисты отмечают, что „форма 1-го лица мн. ч. будущего времени от глаголов совершенного вида выражает большую категоричность требования или приглашения, чем форма 1-го лица мн. ч. настоящего времени, ср. *ну плывем* и *ну поплывем* : *бросаем курить* и *бросим курить*" (Голанов, стр. 177).

Кроме синтетического способа в русском языке имеется и аналитический способ образования формы совместного действия. Этот способ образования заключуется в использовании экспрессивно-модальной частицы *дай(те)* или *давай(те)* и глагола в форме 1-го лица мн. ч. простого будущего времени, т.е. глаголы совершенного вида, в то время как с глаголами несовершеного вида используется та же частица + инфинитив, ср. „*давайте обсудим, давай просмотрим*", но „*давайте обсуждать, давай просматривать*" Г; или: *давайте напишем* и *давайте писать*. Например:

> *Братцы*! *Давайте споем что-нибудь*. . . (Ч), цит. по ФБ.
> *Давай пообедаем*! (: *Давай обедать*).

Та и другая форма для выражения побуждения к совместному действию на македонский язык обычно передаются при помощи слов *ајде* или *да* + глагол в форме 1-го лица мн. ч., например: *да одиме*, *ајде да одиме*.

Сложное будущее время. В сравнении с формами других времен формы этого времени с функцией повелительности используются редко. Ср. напр.:

> *На следующий день Андрей уже один стоял в кабинете секретаря и слушал его негромкие слова*: „**Будете строить** *образцовую МТС*" (Ник.), цит. по Г.

Прошедшее время. С функцией выражения повелительности формы этого времени свойствены ограниченному кругу глаголов совершеного вида типа *пойти*, *поехать*, *взять*, *начать*, *тронуться*, *бросить*. Большей частотностью в данном случае характеризуются преимущественно глаголы *пойти*, *поехать*. Согласно Голанову

[3] *А. В. Исаченко*, Грамматический строй русского языка, II, Братислава, 1960 стр. 488.

„Образования типа *пошли, поехали, начали*“ и т.п. представляют собой „расширение более старой формы *пошли* и *пошли прочь* в значении 2-го лица мн. ч. (известной уже от начала XIX в.) и на 1-е лицо мн. ч. со включением говорящего (= *пойдемте, начнемте*)“, там же, стр. 179—180.

В сопровождении повелительной интонации формы прошедшего времени упомянутых глаголов служат для выражения „пожелания, приглашения, побуждения к действию, а также приказания“ с оттенком большей эмоциональности. „При этом выражении повеления, пожелания и т.п. как бы предвосхищается результат действия, пока только желательного“ (АГ, стр. 501). Ср. напр.:

„*ну, пошли! начали! ну, взяли*“ (АГ); или: *Скорей! пошел, пошел, Андрюшка* (П), цит. по АГ — *Эй — Пошел ямщик!* (П), цит по ФБ. — *Ну, что, пошли спать? — спросил он* (Д), цит. по Г. — . . . *Кондукторша весело крикнула: Поехали* (Д), цит. по Г. — *Начали! — Ну, тронулись! Ну, побежали! — А ну, бросили! — Сухой брус со звоном упал на землю* (цит. по Г.).

Формы этого типа употребляются почти исключительно для характеристики народной речи. Рассматриваемые образования на македонский язык передаются формой повелительного наклонения или описательно, чаще всего при помощи слова *ajde*.

Сослагательное (условное) наклонение

Помимо основного значения (выражения предполагаемого или возможного действия) данное наклонение используется также для побуждения желания, учтивого пожелания, опасения, решительного приказания. Значения этого типа обычно близки или тождественны со знозначениями, выражеными формой повелительного наклонения с данной частицей или подобным словом. Упомянутые значения выступают в следующих случаях:

а) Ж е л а т е л ь н о с т ь. Значение этого типа у форм сослагательного наклонения свойственно как литературному, так и разговорному языку. Ср.

Только напрасно они этак на юуру стоят — **сошли бы** *в лощину* (Тург), цит. по АГ — **Если б** *вы* знали, *с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте* (Чех.), цит. по АГ.

Подобные конструкции на македонский язык передаются при помощи да + имперфект (= кондиционал).

„Такие желательные предложения могут иметь восклицательную интонацию, особенно заметную в предложениях, вводимых междометием *о* или союзом *лиш бы*: *О если бы ты знал!*, *Лишь бы он ничего не узнал!*“ (А. В. Исаченко, стр. 515).

б) П о ж е л а н и е. В данном случае следует различать: $б_1$ пожелание в пользу лица поворящего и $б_2$ пожелание чего-нибудь для другого лица

б$_1$ Пожелание в пользу лица говорящего:

Я **поел бы** *чего-нибудь* (мак. Да каснев нешто или Би каснал нешто) *Я* **бы поспал** *теперь* (цит. по РМ).

б$_2$ Пожелание чего -нибудь в пользу другого лица. „Употребляя вместо повелительного наклонения сослагательное, мы смягчаем приказание, придавая ему оттенок просьбы или совета, причем учтивого"[4]. Ср.:

> *Ты* **бы**, *дядя Ипполит*, **сказал** *народу что-нибудь этакое, чувствительное...* (Ш), цит. по Г. — *Ты* **бы ложилась** *Нянечка* (Чех.) « мак. Да си легнеше Н. » — „**Вы бы** *чего-нибудь* **покушали** *Пульхерия Ивановна* (Г.) = *Вы поешьте...* — *Вы* **бы написали**, *сударь, к хозяину — сказал Захар* (Гонч.) = *Вы напишите*", цит. по ФБ.

Исполнение пожелания в данном случае „представляется свободному решению собеседника, и потому само пожелание квалифицируется только как предполагаемое, напр.: *я просил бы вас зайти ко мне...*

Смысловое различие между повелительным и сослагательным наклонением при выражении желания почти стирается. Чрезвычайно близкими, так что почти тождественными, являются выражения: „*съешь-ка жаркого* и *съел бы ты жаркого*; *поспи ты часок* и *поспал бы ты часок*" (АГ, стр. 501).

Не трудно заметить, что имеющийся оттенок просьбы или вежливости у форм повелительного наклонения связан с наличием частицы *ка* или употреблением постпозитивного личного местоимения *ты*.

С другой стороны, отдельные исследователи указывают, что формы сослагательного наклонения, выражеющие вежливое пожелание, в разговорном языке приобрели характер „стереотипных формул", ср.: „*Мне хотелось бы сказать* (вм. *Мне хочется сказать*); *А попросил бы вас* (вм. *Я прошу вас*) и т.п. „А. В. Исаченко, стр. 515.

Вышеупомянутые формы сослагательного наклонения с функцией обозначения повелительного наклонения на македонский язык обычно передаются особым типом сослагательного наклонения (да + имперфект) или описательно. Ср. напр.: *Вы бы чего-нибудь покушали, П. И.* (Да касневте нешто, П. И.).

в) Опасение:

Дождя бы не было! (Ник), цит. по Г. « мак. Само да не заврне »

Присоединение отдельных слов типа *хоть*, *чтобы* и т.п. к условному наклонениую или формам прошедшего времени обычно способствует видоизменению значения желания.

[4] *А. М. Финкель, Н. М. Баженов*, Курс современного русского литературного языка, Киев — 1965, стр. 427.

„В значении *желания*, причем желания сильного, эмоционально окрашенного, выступают сочетания сослагательного наклонения с частицей *хоть* или формы прошедшего времени *с чтоб*". Цит. по ФБ, стр. 426.

Сослагательное наклонение с частицей хоть (хотя):

Хоть бы травка. хоть бы листок на дереве шелохнулся (Псм.), цит. по ФБ « мак. да + имперфект » — *Хотя бы крикнул коростель, иль стрекозы живая трель послышалась* (Л), цит. по ФБ.

Формы прошедшего времени с союзом *чтоб*. Конструкции этого типа могут быть как личные, так и безличные. Выражаемое сильное желание здесь обычно переходит в решительное приказание, проклятие и т.п. Ср.:

Мне чтобы были семена — и весь разговор! (Ник., цит по Г). — *Уж ему чтобы все было в исправности*! (Гог., Рев.), цит по Г; или: *Чтобы никогда о вас не слыхала*! «мак. да + наст. вр. или описательно». Сам глагол может быть опущен, ср.: *Чтоб ни онда душа — ни ни*!

Чтоб ты лопнул, — прошептал он, задрожав (П.), цит. по ФБ — *Чтоб ты подавился, негодный бурлак*! (цит. по ФБ) — *Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый* (Г), цит. по ФБ — **Чтоб они сдохли,** *черти проклятые*!

Рассмотренные случаи образования побудительных предложений при помощи изъявительного и сослагательного наклонения указывают на довольно широкие возможности выражения побудительности в русском языке. Имеющиеся оттенки побудительности, выражающиеся при помощи упомянутых наклонений, в современном македонском языке чаще всего не имеют полного соответствия и обычно передаются при помощи отдельных слов, т.е. описательно. В ряде случаев отмеченные оттенки побудительности на македонский, язык передаются конструкцией *да + имперфект.* С другой стороны, несоответствия в выражении оттенков побудитеьности в русском языке обусловлены наличием частиц или подобных слов (ср. *пусть, дай* или *давай, хоть, чтобы*), не встречающихся в македонском языке с этой функцией. Все это несомненно указывает на сложность проблемы выражения побуждения к действию.

Из сказанного вытекает, что при изучении русского языка сравнительно с македонским следует обращать особое внимание на несоответствия способов выражения побуждения к действию в русском и македонском языках.

ЗА ИЗРАЗУВАЊЕТО НА ИМПЕРАТИВНИ РЕЧЕНИЦИ СО ФОРМИ НА ИНДИКАТИВ И КОНДИЦИОНАЛ ВО РУСКИОТ И МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

Резиме

Меѓу постојните начини за изразување на императивни реченици, формите на индикативот и кондиционалот во рускиот јазик заземаат важно место. Така, во поголема или помала мера, императивните реченици се изразуваат со сите постојни руски времиња. Голем број конструктции од овој вид во македонскиот јазик обично се предаваат со *да + имперфект*. Од друга страна, еден дел од императивните нијанси најчесто се сврзани со присутните частици или слични зборови (сп. *пусть, дай* или *давай, хоть, чтобы*) коишто во македонскиот јазик или не се среќаваат или се предаваат со соодветни македонски частици и сл. Сето ова секако укажува на сложеноста на проблематиката кај овој вид конструкции и нивната значителна улога при усвојувањето на рускиот јазик во македонска средина. Несоодветствата на начините во изразувањето на императивните реченици во рускиот и македонскиот јазик очигледно бараат посебен пристап при изучувањето на рускиот јазик.

СОКРАЩЕНИЯ

И ....*А. В. Исаченко*, Грамматический строй русского языка.

О ....*С. И. Ожегов*, Словарь русского языка.

ФБ ....*А. М. Финкель, Н. М. Баженов*, Курс современного русского литературного языка.

Ч ....*А. П. Чехов.*

РМ ....Příruční mluvnice ruštiny pro čechy, I.

В. Девич-Романова

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕКОТОРЫХ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Занимаясь переводом *с родного языка на иностранный* (в нашем случае — с сербохорватского языка на русский), мы ставим перед собой следующие задачи:.

1/ ознакомить тех, кто обучается переводу, *с практикой* (и теорией) перевода;

2/ использовать перевод как один из методических приемов при сопоставительно-констрастивной работе и работе по выяснению и устранению типичных ошибок (проистекающих прежде всего, из интерференции в процессе изучения близкородственных языков);

3/ использовать перевод как один из методических приемов при обучении устной разговорной речи.

Практика показала, какую неоценимую пользу оказывает *перевод с родного языка на иностранный* (о чем в свое время писал еще К. Д. Ушинский[1]) или *использование родного языка учащегося* в каком-либо другом аспекте обучения языку (на что в наше время указал, например, Майкл А. К. Хэллидей[2]). Однако вслаедствие особой сложености *перевода на иностранный язык* в процессе обучения ему возникает необходимость отбора и создания таких *методических приемов*, которые способствовали бы выработке определенной системы, помогающей:

а/ выделить в тексте, предложении или сочетании основное ядро, как смысловое, так и структурное, на которое будут опираться все *переводческие операции*;

б! найти опорные точки для сопоставительно-контрастивного анализа текста;

в/ сделать анализ текста, развернув его по схеме (даем ниже);

г/ сделать на основании перевода данного текста обобшающие выводы практического (и теоретического) характера.

Опираясь на опыт известных теоретиков перевода и не претендуя на „новаторство“ в этой области, мы попытались в своей практи-

---

[1] *К. Д. Ушинский*, Собрание сочинений, т. 2, стр. 301.

[2] *М. А. Хглидей*, Сопоставление языков. Сб. „Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике“. Изд — во „Международные отношения“, М., 1975.

ческой работе найти и применить некоторые рациональные методические приемы. Необходимо было внести небольшие изменения и уточнения в названия-обозначения, касающиеся *переводческие операций* (в работе Л. С. Бархударова „Язык и перевод" они называются — *переводческие трансформации*[7], у других ученых — *трансформационные операции*[4] и т.п.). Под эту рубрику мы ввели названия-обозначения *переводческие операции.* При всей относительности распределения переводческих операций по способам, на что вполне справедливо указывает в своей работе „Оригинал и превод" известный югославский теоретик и практик перевода М. Сибиновић[9], без них невозможно *обучать* переводу.

Некоторые названия способов перевода, представленные в указаной работе Бархударова, были оставлены без изменений, другие мы выделили из общих названий или постарались внести какое-то единство в их обозначения. Например, один способ у Бархударова (когда в текст, вводятся новые слова и сочетания) называется „включением", а другой противоположый первому, „*опущением*"; мы же назвали этот способ „*исключением*" (таким образом были внесены единство и большая конкретность в обозначения: „включение" — „исключение").

Мы согласны также с тем, что *переводческие операции* можно называть и *переводческими трансформациями* и *трансформационными операциями*, хотя, по нашим наблюдениям в этот процесс могут включаться и такие операции, которые не обязательно могут быть трансформациями. Вот почему мы, имея в виду указанный процесс, предлагаем использовать и термин „*переводческие операции*". Одновременно с этим мы ввели термин „*уточняющая трансформация*", который сделался нам необходим не как обобщающий, а как частный термин, как обозначение одного из *способов перевода*, т.к. в этом случае, как нам кажется,- имеются в виду не столько обычные, простейшие, операции (включение, исключение, замена и т.д. — см. ниже), производимые в тексте в процессе перевода, сколько более сложная операция, подразумевающая представление конструкции или сочетания *в ином виде*, изменение-преобразование чуть ли не всей конструкции *ИЯ* с целью ее уточнения, придания ей большей конкретности, понятности, с целью приближения ее ко времени и т.п. Это необходимо как для „переводчика" (в нашем случае — студента или учащегося вообще), так и для помагающего ему „сотрудника" (в нашем случаи — преподавателя-носителя языка), т.к., — здесь мы позволим себе немного отвлечься, — для перевода *на иностранный язык*, особенно на первых порах, желательно было бы сотрудничество хотя бы двух лиц, каждое из которых является носителем одного (поротивоположного) языка, неплохо знающим и второй язык, К примеру: если текст архаичен, его рекомендуется трансформировать так, чтобы он был близок и понятен нашему времени; если в тексте

---

[3] *Л. С. Бархударов*, Язык и перевод. Изд — во „Международные отношения", М., 1975.

[4] *В. Н. Комиссаров*, Перевод как объект лингвистического исследования. Сб. „Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике", М., 1978, стр. 3—15.

[5] *М. Сибиновић.* Оригинал и превод. Б., 1979.

много диалектизмов или жаргонизмов, то он будет трансформирован до уровня большей общепринятости, „литературности“. Разумеется, что *такого рода* переводческие операции следует использавать в той фазе перевода текста, которую можно назвать „рубежом-переходом“ от *ИЯ* к *ПЯ* рубеж-переход

ИЯ $\wedge$ ПЯ;

дальнейшее же и конечное оформление переведенного на иностранный язык текста, видимо (но не обьзательно), должно происходить с точки зрения языковых и речевых вариантов того времени и той сферы, о которых идет речь, а также конкретных условий и реалий времени.

Иногда следует дать *несколька вариантов* уточняющей трансформации *ИЯ* и выбрать один из тех, который ассоциативно ближе (данному) переводчику. И в том случае, когда стиль или конструкции автора слишком индивидуальны, переводчику следует сначала как бы „расшифровать“ текст, т.е. опять-таки трансформировать его в сторону большей типичности, общепринятости, а потом уже постараться представить его индивидуальность и оригинальность в окончательном варианте *ПЯ*.

В представленной нами таблице названия сопособов перевода даются по степени частотности употребления (названия 3, 4, 5, 6-го способов даны по Л. С. Бархударову):

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ — способы перевод

1. Способ *включения* (слов, сочетаний и т.д.).
2. Способ *исключения* (слов, сочетаний и т.д.).
3. Способ *перестановки* (слов, сочетаний, предложений и т.д.)
4. Способ *замены* (слов, сочетаний, форм и т.д.)
5. Способ членения (предложений, конструкций и т.д. — на две, три и т.д. части)
6. Способ *объединения* (предложений, конструкций и т.д. — в одно целое)
7. Способ *уточняющей трансформации* (преобразование сочетания, предложения или конструкции в целом)

На этом, разумеется, не заканчивается нахождение способов перевода — *продолжение* этого процесса *следует*.

Ниже мы даем образец развернутой схемы перевода в соответствии с методическим приемом, предлагаемым нами и используемым на занятиях. Тексты для переводов исполязуются в основном из сборника, который мы составили, исходя из актуальных проблем сопоставительно-контрастивной работы 80-х годов в изучении русского языка лицами сербохорватской языковой среды. Некоторые из этих проблем уже известны, другие мы выявляем на основании личного опыта и наблюдений.

С первых занятий студенты оказываются „лицом к лицу" с этим проблемами: мы фиксируем их в устных и письменных комментариях под рубриками — „Обратить внимание", „Запомнить" и т.п.; ссылаемся на них в далянейшей своей работе; возвращаемся к ним, вводя их подрубрики — „Вспомнить", „Повторить", „Смотри текст на стр. . . . ,". „См. 1-ый курс" и т.п. Таким образом студенты сразу включаются в миниатюрную исследовательскую работу, где каждый текст в процессе перевода как бы „развертывается" путем аналистической работы, а потом „свертывается" — представляется в своем окончательном варианте перевода. Кстати, работа над вариантами является очень важным моментом в процессе обучения переводу. Варианты у нас постоянно присутствуют; мы даем их в скобках и располагаем, во-первых, по степени удачности, правильности, употребительности: а) наиболее удачный или правильный вариант; б) вариант, равноценный первому или менее удачный; в/ допустимый вариант; во-вторых, по соотнесенности к стилям: а/ литературный (или книжный), б/ разговорный и т.д.

„Развертывание-разверстка" текста происходит по трем колонкам:

1. *Колонка для текстов на сербохорватском языке*, в которую выписываются только те сочетания или предложения (конструкции), которые *интересны с точки зрения сопоставительно-контрастивного анализа* или *представляют особую трудность для перевода*, а также те сочетания, *при переводе которых появляются типичные ошибки* (в том числе и типичные для интерференции ошибки).
2. *Колонка для переведенных на русский язык текстов* — заполняется более подробно.
3. *Колонка для комментариев.*

СХЕМА РАЗВЕРНУТОГО АНАЛИЗА ПЕРЕВОДА С СЕРБОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В. Петровић. Ни имена му не знам !Одломци/[6]

Залутао сам у шуми. Јутрос рано сам се одвојио, смучило ми се густо лепљиво блато на друму који је обилазио подножје шумовита брда. . .

Но, већ је четврти час по подне, а ниоткуда чистине, ни излаза.т Да нисам неосетно променио правацI . . . Поче да ме тишти неизвесност и тегоба, а с њима се појачава жеђ и глад и умор. . . . Шта ће бити ако се одједном магла спусти или ме овако збуњена и изнурена затекне овде студена јесења ноћ?

[6] *В. Петровић.* Ни имена му не знам. Сабране приповетке „Изданци из опаљена грма", књ. 2., Просвета, М. С., 1964., стр. 258.

сх.	*рус.*	*комментарии*
Ни имена му не знам. Јутрос рано *сам се одвојио, смучило ми се густо* лепљиво блато на друму...	*Я даже*[1] имени его не знаю. Утром рано *я ушел* (*отстал, удалился, отделился*)[3] *от своих товарищей*[4], — *мне стало тошно* от густой липкой *грязи*[5] на дороге (*мне надоела* густая липкая грязь на дороге), ...	[1] *Вспомнить* три основных случая перевода части-цы „*ни*" на рус. яз. [2] *Не забывать* о более частом употрблении местоимений с личной формой глаголов в рус. предложен. [3] Возможен *способ замены*: сам се *одвојио* — *отишао* сам; *оставио* сам, [4] *Способ включения*: сам се одвојио (*од мојих другова; од моје групе*) [5] Обратить внимание на *межьязыковые омонимы*: *сх.* *рус.* блато грязь мочвара болото
Но, већ је *четврти час поподне*, а *ниоткуда* чистине, ни излаза.	Уже *четвртый час дня*[6], а *нигде не видно*[7] *ни* прогалины, *ни* выхода (*из леса*)[8].	[6] *Обратить внимание*: *четыре часа дня* (арх. — *пополудни*); *шесть часов вечера*; *семь часов утра* [7] Сочетание „*а ниоткуда*" с помощью способа *уточняющей трансформации* представляем как: „*а нигде се не види*" [8] *Способ включения — из леса* (факультативно)
Да нисам неосетно променио правац? Поче *да ме тишти* неизвесност и *тегоба*, а с њима ...	*Не переменил ли*[9] я незаметно направление? (*Может быть*, я незаметно...) Меня начала *тревожить* (*беспокоить, томить, мучить*) неизвестность[10], а вместе[11] с ней...	[9] *Вспомнить* варианты перевода сочетаний типа: „*да ли*", „*је ли*", „*јесте ли*", „*да нисте*" и т.п. на прс. яз [10] *Способ исключения*: в сочетании „тишти (тегоба)" оба слова слишком близки по значению (примерно: беспокоит беспокойство") [11] *Способ исключения*; „а (*заједно*) с њима"...
Шта ће бити ако се одједном магла спусти или ако ме *свако збуњена и изнурена* затекне овде студена јесења ноћ?	Что будет *со мной*[12], если вдруг опустится туман[14] или если меня, *такого растерянного* и *измученного*[14], застанет здесь холодная осенняя ночь?	[12] *Способ включвния*: „шта ће бити (*са мном*)"... [13] *Способ перестановки*: „се магла спусти" — „опустится туман" [14] Вспомнить правило сочетаемости: такой красивый полн. ф. прил. и какой голодный прич. и т.п. как красив кратак. ф. прил. и так голоден прич.

„*Свертывание*“ *схемы и окончательный вариант перевода*: *В. Петровић. Я даже имени его не знаю* (Отрывки!

Я заблудился в лесу. Утром рано я ушел от своих товарищей, — мне стало тошно от густой липкой грязи на дороге, обходившей подножье, лесистой горы. . .

Уже четвртый час дня, а нигде не видно ни прогалины, ни выхода/ из леса). Не цеременил ли я незаметно направление? . . . Меня начала томить неизвест ность, а вместе с ней усиливались жажда, голод и усталость. . . . Что будет со мной, если вдруг опустится туман или если меня, такого растерянного и измученного, застанет здесь холодная осенняя ночь?

Даем еще один пример, иллюстрирующий применение способа *уштотняющей трансформации*: *А. Исаковић. Кашика* (Одломак[7])

Месец сручио своје жуте образе у *пун котлић кајмака*, танки зидови котла се шире и кајмак се мрешка.

Желтощекая луна заглянула в котелок, полный каймака[1]. (Желтощекая луна отразилась в котелке, полном каймака; Луна залила желтым светом котелок, *полный каймака*[2])[3] (*Кажется, будто*)[4] тонкие стенки котелка раздвигаются, и каймак покрывается рябью. (Кажется, будто тонкие стенки котелка раздаются и каймак начинает пузыриться).

[1] Так как дословный перевод невозможен, применяем *способ уточняющей трансформации*: Месец жутих образа је завирио у пун котлић кајмака. Или Месец је просипао свој жути сјај у пун котлић кајмака и т.п.

[2] *Способ перестановки*: пун котлић каймака—котелок, полный кајмака.

[3] Возможен *способ членения* /на два предложения/ .

[4] Возможен *способ включения*: *Кажется, будто*. . . /факультативно/

Большинство студентов легко усваивают такой методический прием и уже в конце 1-го курса начинают работать по схеме самостоятельно. В дальнейшем мы сводим эти операции до работы „в уме“. Правда, мы еще не достигли „идеала“, когда каждый студент сможет сделать моментальное аналитическое „прочтение“ любого текста, однако на данном этапе работу по переведенному тексту мы обычно считаем законченной если студенты обнаруживают:

1/ умение „симультано“ переводить данный (уже подвергнутый развернутому анализу) текст;

2/ знание лексики, фразеологии и принципов сочетаемости, относящихся к данному тексту, к данной и аналогичной ей ситуации;

3/ умение употреблять лексические, фразеологические и другие варианты в связи с данным и аналогичным ему текстом;

4/ умение вести сопоставительно-контрастивный анализ данного текста и находить в нем те места, в которых их „ученики“ могут сделать ошибки;

5/ сопособность ассоциировать отдельные места (лексику, фразы, сочетания, конструкции) новых текстов с пройденными текстами.

[7] *А. Исаковић*, Кашика. Приповетке, Б., 1964,. стр. 9.

II

Рассмотрим еще один методический прием, используемый нами на занятиях по переводу *текстов, относящихся к жизни и творечеству писателя, поэта, художника и т.д.*

Ориентация идет в основном на *учебный перевод* с элементами художественного перевода.

Обычно *переводим паралельно два или несколько текстов* (скажем, один — о югославском писателе или поэте, второй — о русском или советском), — таким образом мы одновременно *распологаем большим разнообразием сочетаний*, связанных с одной ситуаций и тематикой. Из тех и других текстов выписываем на сербохорватском языке сочетания, дающие, например, *общую характеристику творчества писателя*, и переводим их.

От перевода (здесь, разумеется, мы будем давать только стержневые сочетания из текстов) переходим к комментариям, в которых даются *варианты сочетаний*, относящихся к общей характеристике творчества писателя. Поясняются оттенки значений того или иного сочетания, приводятся примеры, даются схемы.

Приведем пример вариантов-сочетаний со словами *писатель, поэт*:

гениальный	:	
великий	:	
знаменитый	:	
выдающийся	:	
известный	:	писатель
талантливый	:	поэт
одаренный	:	
даровитый	:	
многообещающий	:	
большой	:	
плодовитый	:	

В процессе перевода и анализа сочетаний исправляются ошибки и неточности, которые допускают студенты; например, такие как: „знакомый писатель“ (вместо — „известный писатель“) и др. Выясняется, в чем неточность той или иной формы, значения, если речь идет об объективной характеристике творчества.

Сюда же относится перевод и пояснение значений таких сочетаний, как:

сх.		*рус.*
живот и *дела*	:	жизнь и творчество
	:	жизнь и деятельность
	:	жизненный и творческий путь

књижевно *дело*	:	произведение /роман, рассказ и т.д.
	:	литературное произведение

Обращаем внимание на сочетания, относящиеся к

1/ году — [	родился	:	*в . . . īogy*	]
		:	12 апреля /весной/ . . . *īoga*;	] ;
		:		]

2/ месту рождения писателя (поэта и т.д.): если название места (особенно малоизвестного) упоминается в тексте или сообщении первый раз, то в этом, первом, случае лучше всего употребить именнительный падеж и указать, *какое эшо месшо* („родилась в *селе* Рабровица“, „жил в маленьком *īородке* Сремска Каменица“ и т.п.), В. дальнейшем тексте можно употреблять и косвенные падежи тех же названий.

Даются сочетания, относящиеся к происхождению писателя, к общей характеристике детских и юношеских лет: „он родился в семье“; „он происходил из среды (семьи)“; „по своему происхождению он был“ и т.д.

Особо следует выделить такие сочетания, как: с детства“, „в детские тоды“, „с детских лет“, „будучи ребенком“, „еще ребенком“, „когда он был ребенком“, „в студенческие годы, „со студенческих лет“, „со студенческой скамьи“, „будучи студентом“, когда он был студентом“ и т.д. При этом указывается на типы конструкций, в которые могут входить данные сочетания.

В связи с переводом названий газет и журналов предлагается давать в тексте сначала переведенное название, а в скобках — подлинное, тек как оно может быть небоходимо (скажем, для цитирования или затребования) журналисту, исследователю. (Этому приципу перевода нами найдена поддержка в работе М. Стойнич „О превођењу књижевног текста“).

Следующий этап работы — рассмотрение, перевод и анализ сочетаний, относящихся непосредственно к *оīубликованию* книги, сборника, *содержанию* произведения, *собышиям*, описанным в произведении, *ошношению* критики:

	: написана			
	: напечатана		:	вышел из печати
книга была	: опубликоавна	сборник	:	вышел в свет
	: издана		:	появился
	: переиздана			

	: изобразил	: жизнь		: создал	:	
	: отобразил	:		: нарисовал	:	
писатель	: представил	: дей-		: представил	:	
	: нарисовал	: стви-		: вырисовал	:	
	: показал	: тель-	автор	: вычертил	:	образ
		: ность		: выписал	:	

: вывел :
: ввел :
: показал :

: :изобразил : героя

: говорится : : развиваются
в романе : рассказывается : события : разворачиваются
в рассказе : рассказано : о событиях
: речь идет :

: описаны : события действие происходит
: описываются :

: сразу же были замечены : завоевали ему широкую известность

стихи : привлекли внимание рассказы: принесли ему славу
рассказы : обратили на себя внимание : были запрещены цензурой

: восторженно : принял книгу : положительно :отозвалась о
читатель : с восторгом : критика : отрицательно : книге
: тепло : : встретила книгу в штыки
:

Необходимо привести сочетания, относящиеся ко времени и периоду создания или напечатания произведения:

в(о) : первой половине : века в : средине : 60-ых год /г г/. . .века
: : : начале :
в(о) : первой половине : . . века в : середине : 60-ых годов/г.г./. . .век
: второй половине : : конце :

в : тридцатые:
: сороковые : годы /г г/

в : тридцатых : годах /г.г./ восьмидесьтые /80 ые/ :
: сороковых : шестидесятые /60-ые/ : годы
девяностые /90-ые/ :
девятисотые /900 ые/ :

III

Как отмечалось выше, сопоставительно-констрастивный анализ текста при переводе — незаменимый методический прием в процессе *работы над ошибками* и, прежде всего, над теми ошибками, которые являются следствием языковой интерференции.

Для устранения и предупреждения ошибок мы используем также прием, называемый нами „*указание на ошибки*". Практика показала, что такого рода работа должна *обязательно* проводится при изучении родственного языка (разумеется, только в условиях высшего учебного заведения). Указывая на то, *как нужно* употребить то или иное слово, сочетание, фразу и т.д., мы сообщаем и о том, *как нельзя* их употреблять. Работа эта должна вестись чрезвычайно осторожно и только в тех случаях, когда какие-либо ошибки *часто* повторяются. С этой целью нами созданы комментарии под рубриками — „нельзя", „ошибочно", „не следует", „не рекомендуется". Например, давая сочетания, относящиеся к *опубликованию* книги, мы делаем пометку:

Ошибочно в данной ситуации: книга была *о б ъ я в л е н а в ... году

Запомнить: *сх.* *рус.*

објавити	опубликовать, напечатать и т.п.
прогласити	объявить, провозгласить и т.п.

В *иной ситуации* : Книга была *объявлена* революционной.

С целью рационального использования времени на занятиях[x] мы составили „Сборник текстов для перевода с сербохорватского на русский язык". Принцип отбора текстов предусматривает, в основном:

1/ максимальное оразнообразие (тематическое, лексическое, фразеологическое, стилистическое, жанровое) текстов;

2/ максимальную насыщенность текстов, дающих возможность вести как сопоставительно-контрастивую работу, так и работу над ошибками;

3/ отбор небольших по объему текстов (в основном 15—25 строчек).

В первые главы входят тексты, связаные со *школьной и повседневной тематикой* и с ориентацией *на разговорную речь*. Сюда же входит свыше 200 *пословиц и поговорок* югославского народа, которые чрезвычайно интересны с точки зрения сопоставительной классификации и нахождения соответствующих русских эквивалентов. Отдельные главы занимают тексты, относящиеся к жизни и творечству писателей, поэтов и т.д. Тексты взяты из работ и монографий югославских литертуроведов. Авторами литературных (художественных) текстов являются югославские (как классики, так и современные) писатели. В следующих главах — отрывки из драматических и поэтических произведений, а также тексты для обратного перевода. Последние главы отводятся материалам, относящимся к средствам информации, специальной литературе и, наконец, переводу деловой корреспонденции.

ЛИТЕРАТУРА

А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., 1968.

Л. С. Бархударов, Язык и перевод. М., 1975.

В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., 1975.

М. Стојнић. О прво̄ђењу књижевног текста. 1. издање. ИГКРО „Свјетлост".

М. Сибиновић Оригинал и превод. Б., 1979.

Е. М. Верещагин. Психология двуязычния и преподавания русского языка иностранцам. Сб. „Психологические вопросы обучения иностранцев русскому языку". М., 1972.

Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей. М., 1978.

Р. К. Миньяр-Белоручев. Общая теория перевода и устный перевод. М., 1980.

В. Девић-Романова, лектор катедре за руски јези;и књиевност Филозофског факултета универзитета у Новом Саду.

Donka Rous

VYJADŘOVÁNÍ ČESKÉHO BEZPŘEDLOŽKOVÉHO GENITIVU V MAKEDONŠTINĚ

Abychom si učinili jasnější obraz o vyjadřování českého bezpředložkového genitivu v makedonštině, rozebereme si konkretní příklady. Klasifikace bezpředložkového genitivního významu jsem udělala podle klasifikacích J. Gebauera, F. Trávníčka, F. Kopečného a B. Havránka — A. Jedličky. Většinou půjde o doklady z románu Obyčejný život" K. Čapka, anebo z mluveného jazyka.

1. *Záporový genitiv*

Z jeho úst nevy*chází zvuku.* /K. Č./
Од неговата уста не излегува *ни глас.*

nemá*m peněz*— немам *пари*
nemá*m chle*ba — немам *леб*

2. *Partitivní /částečný/ genitiv*

Ještě zbývá jeden příběh, nebo spíše kou*sek příběh*u... /K.. Č.
Останува уште еден настан или можеби *дел од тој настан...*
...postojí spolu nebo se *kousek cesty* doprovázejí. /K. Č./
... ќе постојат заедно или ќе се подиспратат *дел од патот.*
...podnes mám poslední čla*nky prstů*... /K. Č./
... до денеска врвов*ите на прсти*те ми се...

a/ *celkový genitiv*

Byl toho důkladný, čistě srovnaný *svazek archů*... /K. Č./
Тоа беше темелно, чисто израмнето *снопче листови*...
p*ytel mouky* — *врека бра*шно
sud vína — буре вино

b/ *numerativní genitiv*

*b.*1 *u substantiva míry*

Vždyť jich bylo nejmíň *půl mandele*... /K. Č./
Па нели беа најмалку *половина туце*...

Maminka jí donesla k*rajíc chleba* s máslem, . . . /K. Č/
Мама и донесе парч*е леб* со путер. . .
hejno holubů — јато гулаби

b. 2 *u neurčitých číslovek*

. . . *něco dop*isů od přátel. /K. Č/
. . . неколк*у ūисма* од пријатели.
k*olik žák*ů přišlo? — кол*ку ученици* дојдоа?
*tolik jabl*ek — толку јаболка

b. 3 *u určitých číslovek*

pět vagónů uhlí — пет вагони јаглен
dv*a*cet sešitů — дваесет тетратки
sto studentů — сто студенти

3 *Přináležitost*

Pak pochopil, že ten horlivý rachot jsou k*ola vo*zu. /K. Č/
Потоа сфати дека тоа гневно тропање се колц*а од (на)* кола.
. . . bouchají dvíř*ka vagón*ů. . . /K. Č/
. . . тропаат вратит*е од (на) в*агоните . . .
ručička tlakoměru — сказалка*ūа од* (*на*) *бар*ометарот

4. *Odlukový genitiv*

zříci ze dcery — да се отка*же од ќерка* си
zbavit se starostí — да се ослобо*ди од īрижи*те
vzdáti se majetku — да се отк*аже од имоūо*т

5. *Dotykový a stykový genitiv*

. . .číst písm*o nebožtíka*, to je jako se dot*ýkat mrtvé ruk*y. /K. Č/
. . . да читаш ракопис од (на) покојник, тоа ти е како да допираш мртва рака. (да се допира*ш до мрūв*а рака.
. . . chopil se jeho tlust*ého prstu* . . . /K. Č/
. . . се фат*и за неīовиоū дебел* прст . . .
chytil se stromu — се фат*и за др*во
držet se držadla — да се др*жи за држа*лото

úćastnit se schůze — да се присуствува на состанок
poslouchat rozkaz*y* rodičů — да /се/ слушаат наредбите од (на) родителите

6. *Cílový genitiv*

a/ k*ontakt/dosažení/*

dostoupit vrcholu — да се освои врв
zmocnit se pevnosti — да се заземе тврдината

b/ *zaměření na cíl/úsilí/*

dosažení úspěchu — постигнување успех
dostoupit vrcholu — постигне врвот (во кариерата)

7. *Posesivní genitiv*

. . .copak ten krásný grunt nestojí za *život člověka*? /K. Č./
. . . зар оној прекрасен имот не вреди за *живошош на човекош*?
. . . bylo slyšet *ryk kluků* . . . /K. Č/
. . . се слушаше *крикош на момчињаша*. . .

To je divné, myslel si pan Popel, číst *písmo nebožtíka*, to je . . . /K. Č.
Чудно, си мислеше г-динот Попел. Кога читаш *ракойис од (на) йокојник*. . .

8. *Stupňovací genitiv*

a/ *vynikat čím nad koho*

kniha knih — книга на (над) книгите
král králů — крал на (над) кралевите
píseň písní — песна на (над) песните

b/ *přirovnávácí*

ráno moudř*ejší večera* — утрото е п*омудро од ве*черта
on je vj*etší všech klu*ků — тој е *йоголем од сиѿе* деца

9. *Genitiv vlastnosti*

Žen*a pěkného vzhle*du. — же*на со убав из*глед.
Člov*ěk vysoké postavy*. — Чов*ек со висока фиѓур*а.
Člov*ěk podezřelého chování*. — Човек *со сомниѿелно однесува*ње.

10. *Genitiv vysvětlovací a genitiv věcného obsahu*

Tady člověk sedí ve zlaté glorii *domácí lampy*. . . /K. Č./
Овде човек седи во златната св*еѿлина на домашнаѿа* ламба. . .
Jdi, Romeo a miluj *zběsilostí lásky*, vraždi žarlivý Otelo. . . /K. Č.
Оди, Ромео и сакај со св*ирейосѿа на љубовѿа*, убивај љубоморен Отело. . .

soc*ha svatého Václava* — скулптура на свети Вацлав

11. *Genitiv příčiny*

Bojí se strážníků. — Се плаши од (пред) милицајците.
Stydí se profesora. — Се срами од (пред) професорот.
Děsí se pravdy. — Се плаши од (пред) вистината.

12. *Genitiv časový*

května roku 1980 — во мај 1890
svého času — во свое време
toho času — во тоа време

13. *Geniti: emocionální*

toho strachu — тој страв
A té hanby! — А тој срам!

Jak je vidět z uvedených příkladů a jejich ekvivalentů v makedonštině můžeme říci, že bezpředložkovému genitivu v makedonštině neodpovídá jenom předložkový pád, jak by se obvykle dalo očekávat. Vyskytují se zde i bezpředložková spojení. Naše příklady a jejich překlady do makedonštiny nám umožňují /i když se nedá tvrdit, že to platí pro všechny případy/sestavit určitý přehled makedonských ekvivalentů, které odpovídají českému bezpředložkovému genitivu.

Záporovému genitivu, bez ohledu na to, jedná-li se o předmětový nebo subjektový genitiv, v makedonštině odpovídá vždy bezpředložkové spojení.

Partitivnímu neboli částečnému bezpředložkovému genitivu a dalším jeho podvýznamům, tj. celkovému genitivu, numerativnímu genitivu po substantivech míry, numerativnímu genitivu po neurčitých číslovkách, numerativnímu genitivu po určitých číslovkách, odpovídá v makedonštině jak predložkové, tak bezpředložkové spojení.

Genitivu přináležitosti odpovídá v makedonštině předložka од nebo předložka на, a odlukovému genitivu předložka од.

Dotykový genitiv je vyjadřen v makedonštině předkložkami за, од, на, ovšem velký vliv tu má sloveso. Z příkladů vidíme, že zvratná slovesa si žádají předložkové spojení /dotknout se něčeho se dopre do nešto/ a přechodná slovesa se spojují bez předložek /dopre nešto, fati drvo, drži nešto/.

Rozdíl v použití předložek *go* a *за* v dotykovém významu závisí v makedonštině na obsahu slovesa. Když sloveso označuje pouhý dotek, použije se předložka *go* /dotkl se zdi, ruky-ce допре до ѕидот, ракатa), když je styk větší intenzity použije se v makedonštině předložka *за* /chytil se stromu, ržadla — се фати за дрвото држалото).

Stykovému genitivu bude odpovídat předložka на /од/.

Cílovému genitivu v makedonštině bude odpovídat bezpředložkové spojení.

Posesivnímu genitivu odpovídá v makedonštině spojení s předložkou *на*, s kterou se setkáváme, kromě předložky *nag*, i u stupňovacího genitivu, ne však u .. přirovnávacícho genitivu, kde se vyskytuje v makedonštině předložka *og*.

Genitivu vlastnosti odpovídá v makedonštině předložka *co*,

Vysvětlovacímu genitivu a genitivu věcného obsahu v makedonštine odpovída předložka *на*.

Genitivu příčiny odpovídá v makedonštině předložka *og* /je možné použít v některých případech předložku пред-přitom by se význam věty nezměnil/.

Genitivu času odpovídá předložka *во*, a emocionálnímu genitivu bude odpovídat volný překlad.

Z toho vyplývá, že ve většině případů českému bezpředložkovému genitivu v makedonštině odpovídají předložky *go*, *за*, *co*, *во*, *ūpeg* *наg*, *og*, *на* dokonc v některých případech je možné použít jak předložku *og* tak předložku *на* Rozdíl v použiti *og* nebo *на* bude jen stylový.

Chytal se za pravou půlku břicha. /—. Č./

Се држеше за десната половина од (на) стомакот.

Českému bezpředložkovému genitivu v makedonštině odpovídá kromě předložkového i bezpředložkové spojení. Bezpředložkové spojení odpovídá partitivnímu /častečnému/ genitivu, a to když označuje:

— míru: парче леб, туц. (дузина) кошули, метар басма...

— jednotky neoficiální: јато птици, стадо овци, грст шеќер, ...

— jednotky oficiální: кило шеќер, литар млеко, чаша вода, шише вино...

— počet a to po číslovkách: пет жени, дваесет книги, сто маси, триесет и три динари...

Jde li však o významový posun nebo metaforu, objeví se v makedonštině předložka, například:

...dělal sbírku hlav svých nepřátel, uloupených zbraní, ... /K. Č./

...правеше *збирки og īлави* на своите непријатели, од оружје...

To znamená, že zde jede o spojení adnominální. Další bezpředložkové spojení v makedonštině máme i u záporového a cilového genitivu. tj. tam, kde jde v češtině o spojení V plus S /verbum plus substantivum/

nemám peněz — немам пари

zmocnil se vlady — ја презел власта

I když partitivnímu genitivu v makedonštině, a to ve spisovném jazyce, odpovídají bezpředložková spojení, je v mluveném jazyce analogií s prvním případem použít již předložku.

V uvedené práci jsem se zabývala jen možnostmi jak a kterými předložkami v makedonštině bude vyjadřen adverbální a adnominální bezpředložkový genitiv. Ríkám kterými předložkami poněvadž zde také můžeme mluvit i o korelaci, ale to by byla další kapitola sama pro sebe.

LITERATURA

B. Koneski Gramatika na makedonskiot literaturen jazik, Skopje, 1967

Fr. Kopečný, Základy české skladby, Praha 1962

J. Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého IV, /Skladba/ vyd. Fr. Trávníček, Praha 1929

B. Havránek — A. Jedlička, Česká mluvnice, Praha 1963

Fr. Trávníček, Mluvnice spisovné čehtiny II, Praha 1951

Fr. Miko, Přivlastkovy genitiv, Jazykovedné študie, IV, Bratislava 1959
K. Husenblas, Vývoj předmětového genitivu v češtině, Praha 1958
Vl. Skalička, Poznámky k teorii pádu, SaS, 12, 1949
M. Stefanovi, genitivne sintagme s predlogom od, NJ, XIV, sv. 4—5, 1965

Донка Роус

ИЗРАЗУВАЊЕ НА ЧЕШКИОТ БЕЗПРЕДЛОЖЕН ГЕНИТИВ ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

Резиме

На конретни примери, земени од романот на К. Чапек „Обичен живот“ и на примери земени од говорниот чешки јазик, преку превод, е прикажано како е изразен адвербалниот и адноминалниот безпредложен генитив во македонскиот јазик. Иако за македонскиот јазик, како аналитичен тип, карактеристични се предлозите се среќаваме со синтагми каде не е неопходна предлошка конструкција.

Врз основа на дадената класификација на значењата на безпредпредложниот генитив во чешкиот јазик, доаѓаме до сознание дека парттивниот генитив кога означува мера, целост, потоа по неопределени броеви, по определени броеви и тоа од пет нагоре во македонскиот јазик ќе одговараат безпредложни конструкции. Со безпредложни конструкции се среќаваме и кај генитив со негација и кај генитивот со значење на некаква цел, намера.

Елжбјета Гавенда

ОБИД ЗА ДЕФИНИРАЊЕ НА СОЦИОЛИНГВИСТИТКИТЕ ДЕТЕРМИНАНТИ ПРИ УПОТРЕБА НА ВАРИЈАНТНИТЕ ФОРМИ ГЕН. СИНГ. М. КАЈ ИМЕНКИТЕ ВО ПОЛСКИОТ ЈАЗИК*.

Проблемот за распределба на флексиите за генитив синг. маск. кај именките во полскиот јазик веќе не еднаш бил предмет на лингвистички размислувања чијшто интерес се концентрира главно врз дефинирањето на критериумите што се решавачки за изборот на една од двете постојни флексии: *-a* или *-y* /1/. Се разбира, тоа се однесува на именки коишто обележуваат нешто неживо, додека оние именки што обележуваат живо /со исклучок на формите *wołu, bawołu*) по правило ја добиваат флексијата *-a*. Оние што се занимаваат со тој проблем еднодушно укажуваат на примерниот карактер на значењскиот критериум, макар што во последно време сѐ почесто се слушаат гласови коишто зборуваат за нејзиното ограничување од формални фактори, главно морфолошки /2/. Овој проблем го разгледував во статијата „Tendencje normatywne w zakresie wariantywnych form. gen. sg. m. rzeczowników" /3/. Ова мое истапување претставува обид за дефинирање на екстралингвистичките услови за употреба на варијантните фелсии *-a*, *-y*, во генитив синг. кај именките од машки род.

Меѓу многуте екстралингвистички детерминанти на јазикот, на кои укажуваат социолингвистите /4/, по пат на наблудувања се дадени оние коишто најчесто се повторуваат во нивните искажувања, но коишто се сврзани со социјални црти на учесниците од актот на говорот, имено полот, возраста, социјалното потекло, регионалното потекло, професијата, образованието. Одминат е, меѓутоа, ситуацијно-контекс-

---

* Ова истапување беше подготвено за конференција „Социолингвистика и изучување на јазикот; Загреб 1981.

[1] Според преглед на литературата поместен во статијата J. Bondarowska: Problematyka doboru końcówek -a/ /-u w dopełniaczu l.p. rzeczowników męskich. Język Polski XLII, z. I, s. 29

[2] W. Mańczak: O repartycji końcówek dopełniacza -a i -u. Język Polski XXXIII, z. 2, s. 70; H. Satkiewicz: Tendencja do ekonomiczności we fleksji współczesnego języka polskiego /W/Współczesna polszczyzna. Wybór zagadnień. Red. H. Kurkowska, Warszawa 1981, s. 58—59

[3] E. Gawęda: Tendencje normatywne w zakresie wariantywnych form gen. sg. m substantivum w Studia Polonistyczne, IX, Poznań 1981, s. 159—169.

[4] E. Gawęda: Z socjolingwistycznych badań nad wymową, mieszkańców Wrocławia /W/Socjolingwistyka 3. Red. W. Lubaś. Warszawa—Kraków—Katowice 1980, s. 129

товиот фактор или типот на кодот, контактот, контекстот и местото, бидејќи примената на анкетата ги унифицира условите на употребата на дадена јазична форма /5/. Ова моје истапување се ограничува на укажувањето на зависноста меѓу возраста, социјалното потекло, карактерот на вршената работа, образованието и изборот од страна на анкетираните на дадениот формален показател ген. синг. м. кај именки со исто значење — хомонимите и полисемите тука предмет на разгледување нема да бидат.

За основа на рефератот ми послужија податоците добиени од анкетата спроведена кај 97 жители од неколку градови во Шлезија и Заглембје. Примената на прашалник во истражувања над современи флексиски појави во полската лингвистика претставува, како и досега, домен на дијалектологијата. Во значително помал обем овој начин на собирање на материјал има примена во истражувања на узуалната норма на литературниот јазик /6/. Спроведената анкета е наменета на современиот узус во сферата на варијантните форми ген. синг. кај именките од машки род опфаќа 284 реченици, но само во 138 од нив се среќаваше појавата што ја интересира авторката. Во останатите реченици задачата на употребата на соодветната форма се однесува на разни делови од говорот и бара примена на разни граматички категории, на пр.:

92. /Kość/ . . . . nie zostały uszkodzone.
93. Administracja /dworek/ . . . . mieściła się w przyległej oficynie.
94. Nie /opowiadać/ . . . . mi tych bredni!
95. Wczorajsza dekoracja /hangar/ . . . . przedstawiała żałosny wygląd.
96. Czy zjesz kawałek /pasztecik/ . . . . ?

Оваа операција, се разбира, има за цел да го одврати вниманието на анкетираните од посочената јазична појава којашто упорно се повторува во прашалникот, што требаше да предизвика автоматизација на изборот на јазичното средство својствено на анкеторанот, па спрема тоа требаше да достави материјал којшто е одраз на неговата фактичка јазична практика /7/.

Анализирајќи ја зависимоста меѓу карактерот на вршената работа и изборот на флексијата *-а* или *-у* во варијантните форми на ген. синг. м. кај именките е забележано очигледно делење на работници и

[5] Russkij jazik po dannym masovogo obsledovanija. Opyt socialno-lingvisticzeskogo izuczenija. Red. L. P. Kristin. Moskva 1974, s. 20—23.

[6] A. Furdal: Materiały do kwestionariusza do badania dialektów kulturalnych i miejskich w Polsce. Rozprawy Kom. Jęz Wrocł. Tow. Nauk., t. IX, 1973, Z. Bokszański, A. Piotrowski: Sociolingwistyczne aspekty stosowania wywiadu kwestionariuszowego /W/Studia Sociologiczne 1977, nr I; Socialnyje razliczija v ispolzovanii jezikovych variantov /W/Sicialno-lingvisticzeskije issledovanija. Red. L. P. Krisin i D. N. Szmelev, Moskva 1976, s. 97

[7] E. Gawęda: Uzus czy poczucie językowe /na marginesia badań nad współczesną fleksją polska (во пекат).

интелигенција. Дури во 23 случаи /околу 20%) разлика во добиените одговори меѓу двете групи изнесува преку 30%, притоа 13 — повеќе 40%, а во два случаја над 50%. Оваа голема разлика во резултатите меѓу интелигенцијата и работниците се појавува предимно кај именките од странско потекло, на пр.: *befsztyk*, *rapier*, *skalpel*, *szampan* и други. Карактеристично е дека работниците во посочените именки даваат предност или на флексијата *-у* или *-у*/ /*-а* додека интелигенцијата предимно *-а*. Можеби, како што тврди Х. Саткјевич /8/, поголемата фреквенција кај тие именки во говорот на интелигенцијата повеќе дозволува да се прави формална аналогија. Бидејќи тие заемки имаат во својата структура елемент од суфиксален тип којшто е крактеристичен за лични називи коишто во споменатиот случај ја добиваат флексијата *-а*. Меѓутоа, новост или послаба распространетост на спомените именки во говорот на работниците може да биде причина за колебање во образованието на генитивот.

Анализата покажува дека интелигенцијата е порешителна во истозначните раскажувања за една од флексиите. За тоа зборува фактот дека во таа група има најмногу такви случаи, кога 100% анкетираните го избира истиот формален показател. Петпати помалиот број од тој тип примери меѓу работниците може да зборува за недостаток од автоматизација на јазичните навики коишто произлегуваат од незнаењето на нормата. Тоа може да се набљудува кај именките коишто имаат на пример силна семантичка мотивација на употребата на дадената флексија, на пр.: *acc.* = *gen.* кај именката *owad*/*a*/, апстрактност кај именката *sprawdzian*/*-u*/ или колективност кај именката *pieprz*/*-u*/ /9/. Во тие случаи интелигенцијата во најголемиот дел /90—100%/ се определува за избранати флексии, додека меѓу работниците има многу колебања. Добиените резултати уште еднаш да документираат теза значителното разликување меѓу кодифицираната и узуалната норма коишто доминира кај работниците. Тој факт не треба да зачудува ако забележиме дека кодифицираната норма на полскиот јазик се опира на јазикот од слојот на интелигенцијата.

Во светлината на добиените резултати непринципиелно изгледа делењето на активна и пасивна интелигенција /10/. Во јазичната практика порано вршената разлика меѓу овие групи, којашто произлегува од различниот начин на учеството во културната дејност, не најде потврда. Добиените резултати од двете групи се многу блиски една од друга.

Разгледувајќи го влијанието на возраста во изборот на посачената флексија на генитивот може да се забележи дека младите во возраст од 20—25 години се изјаснуваат како за едната така и за другата

[8] H. Satkiewicz: Tendencja. . . , s. 58—59

[9] W. Mańczak: O repartycji. . . , s. 70

[10]. Активна интелегенција — лица коишто образуват нови вредности; уметнички, научни, идеолошки, морални, . . . / сликар, научен работник, конструктор писател, . . . /. Пасивна интелегенција — лица коишто исполнуваат работа која има образуван карактер /библиотекар, инжинер, техничар, правник, . . . /

флексија. Карактеристично е дека над 50% од именките во кои меѓу двете групи е забележена најголема разлика /20—41%/ има јасна семантичка мотивација за употребата на едната од двете флексии којашто е притоа поддржана и од морфологичната мотивација. Именката *skalpel*, на пример, впаѓа во групата орудија и има во својата структура елемент од суфиксален тип *-el* со кој можат да се образуваат именки што обележуваат животни. Преку 90% од постарите луѓе се определуваат за флексијата *-a* во генитив од дадената именка, додека младите луѓе ја покажуваат како флексијата *-a* и така и флексијата *-y*. Таквата ситуацијата е можеби сврзана со автоматизацијата на јазичните навики коишто се во согласност со владеачката норма за распределбата на фелксиите од генитивот меѓу постарото поколение на Полјаците. Оваа голема произволност во области на изборот на формалниот показател на ген. синг. м. на именките кој младите луѓе да претставува аргумент за поддржка на тезата за нивната голема јазична толеранција во однос на тие елементи на јазикот, чијашто слободна употреба не го нарушува процесот на комуникацијата.

Во социолингвистичката литература за еден од главните параметри коишто имаат влијаније во употребата јазикот се смета социјалното потекло /11/. Се тврди дека разликите во социализацијата го определуваат начинот со кој се служиме со јазикот. Во однос на полскиот јазик превладува погледот дека интелигенцкото потекло претставува решавачки аргумент за признавање на некој за носител на општиот /литературен/ јазик, инако таков на кој се опира кодифицираната норма. Се претполага дека во јазикот на лица од различно социално потекло ќе се појават многу значителни разлики. Во поглед на материјалот скромна анкета којашто е извршена и на неголемиот број на анкетирани и којашто се однесува само на една јазична појава не ги потврди тие претпоставки. Резултатите добиени од лица со интелигенцко и работничко потекло се многу блиски меѓу себе.

Степенот и карактерот на образованието се толку суштествени социолингвистички параметри што дозволуваат да се издели група лица коишто даваат предност на истозначниот начињ на искажувања за една од двете можности на употребата на флексиите од ген. синг. м. Тоа се луѓе коишто имаат високо образование. Само кај две именки: *pech/-a/* и *brzeg/-u/* анкетираните што имаат средно образование во 100% се искажуваат за една од двете флексии во однос на 23 од истиот тип примери кај филолози и 20 кај нефилолози. Од тоа произлегува дека во однос на неопходно познавање на низа посебно правила комуникувани критериуми за разделбата на флексиите во ген. синг. м. кај именките поголема тешкотија во нивната примена им причинуваат на лица со средно образование.

Обоштувајќи ги досегашните, мошне скрицирани и кратки во поглед на неопходноста, размислувања над екстралингвистичките детерминанти на употребата на варијантните форми ген. синг. м. кај именките во полскиот јазик може да се констатира ддка не сите социални

---

[11] Гледај 4

фактори на кои интуитивно им е припишувано значително влијание на јазични појави, вршат такво влијание во еднаков степен. Како што покажуваат извршените истражувања суштествени параметри се покажаа:

1. возрастот со делење на млади /20—24 години/ и постари /над 25 години/
2. образованије со поделба на средно и високо
3. карактерот на вршената работа со поделба на интелигенција и работници /12/

Од разгледаните социални фактори несуштествени за добиените резултати, во нашиов случај, се покажа социјалното потекло.

Претпоставените во овој реферат набљуденија се однесуваат до процесот којшто е ин стату насценди. Пренесувањата во рамките на варијантните флексии ген. син. м. субст. и исто така факторите што ги определуваат бараат понатамошни на повисока скала замислени истражувања. Извршените истражувања на можен репрезентативен материјал, вклучувајќи исто така анкетиран материјал, можат да станат основи до обопштувањи коишто се однесуваат на појава на современиот послки јазик, пред се и на проблемата на варијантноста.

---

[12] V. L. Vorocova: Varianty fleksij -ov i v roditelnom padeže množestvennogo czislą suszczestvitelnych mužskogo roda /W/Sicialno-Lingvisticzeskije. . . , s. II4

Jan Sokołowski

NIEKTÓRE PROBLEMY TEORII PISMA W UJĘCIU JANA BAUDOUINA DE COURTENAY (Z HISTORII POLSKIEJ MYŚLI LINGWISTYCZNEJ)

Pismo jako jeden ze sposobów istnienia języka coraz bardziej przyciąga uwagę przedstawicieli lingwistyki współczesnej, którzy żywo interesują się jego funkcjami społecznymi i narodowymi oraz właściwościami komunikatywnymi. Szczególnie wiele miejsca poświęcają badacze stosunkom zachodzącym między elementami tekstów pisanych i elementami tekstów mówionych, a więc tym stosunkom, które bezpośrednio wiążą się z właściwościami komunikatywnymi pisma. To wzrastające zainteresowanie współczesnych językoznawców problematyką pisma wynika z przekonania, że posiadają one również właściwości, które nie występują w tekstach mówionych. W związku z tym wydaje się rzeczą uzasadnioną przypomnienie pionierskich prac Jana Baudouina de Courtenay, który jeszcze na początku tego stulecia podjął najważniejsze problemy nauki o piśmie. Od razu należy zaznaczyć, że problematyka lingwistycznej teorii pisma bynajmniej nie stanowiła marginesu zainteresowań naukowych Jana Baudouina de Courtenay. Można stwierdzić bez obawy popadnięcia w przesadę, że problematyka funkcjonowania tekstów pisanych zajmowała jedno z centralnych miejsc w rozległej dziedzinie zainteresowań badawczych Baudouina de Courtenay, a stała obecność tej problematyki w pracach uczonego dotyczących najrozmaitszych dziedzin nauki o języku jest jedną z najbardziej charakterystycznych cech tych prac.

Problematyce pisma poświęcone były pierwsze prace naukowe Baudouina de Courtenay. Jeszcze bowiem jako student Szkoły Głównej w Warszawie przetłumaczył Baudouin i opatrzył przypisami rozpravę Jana Ewangelisty Purkyniego *O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich* 'Warszawa 1865), a następnie opublikował broszurę [3][1] pozostającą z tą rozprawą w bezpośrednim związku. Problematyki pisma dotyczyła też praca magisterska Baudouina. Była to praca na temat pisowni polskiej. Pracę tę w zmienionej postaci opub-

[1] Cyfry w nawiasach kwadratowych oznaczają numery odpowiednich pozycji z wykazu literatury umieszczonego na końcu artykułu; cyfry wydzielone kursywą po przecinku oznaczają stronice.

likował uczony w roku 1868 po czesku w Pradze [5]. Wiele uwagi poświęcał Baudouin sprawom pisma w kazańskim okresie swojej działalności naukowej, świadczą o tym opublikowane dokładne programy jego wykładów z lat 1876—1878 [10; 11], oraz w czasie profesury petersburskiej, kiedy to ukazała się jedna z najważniejszych prac uczonego w dziedzinie badań nad pismem, mianowicie praca poświęcona stosunkowi pisma rosyjskiego do języka rosyjskiego [9]. Poza tym fragmenty lub rozdziały poświęcone pismu znaleźć można w kilkudziesięciu innych pracach Jana Baudouina de Courtenay [zob. w szczególności 1; 2; 4; 6; 8; 12; 13; 14; 15]. O stałym zainteresowaniu uczonego problematyką pisma świadczy też jego korespondencja, np. listy do Jana Karłowicza i Jana Rozwadowskiego.

Stosunek Budouina de Courtenay do badań nad pismem rożnił się dość wyraźnie od stanowiska, jakie w kwestii tej zajmował Ferdynad de Saussure. Pogląd szwajcarskiego lingwisty na funkcję pisma i jego miejsce w badaniach lingwistycznych dobrze odzwierciedla następujący cytat z *Kursu językoznawstwa ogólnego* [20]: „Język i pismo to dwa odrębne systemy znaków; jedyną racją bytu pisma jest to, że jest obrazem języka; przedmiotu językoznawstwa nie określa połączenie wyrazu pisanego i wyrazu mówionego: przedmiotem tym jest wyłącznie wyraz mówiony. Wyraz pisany zlewa się jednak tak ściśle z wyrazem mówionym, którego obraz stanowi, że w końcu uzurpuje sobie gkówną rolę: zaczynamy przywiązywać tyleż wagi do przedstawienia znaku głosowego, co do samego znaku [20, *39—40*]. Dla de Saussure'a pismo było więc jedynie środkiem służącym do transponowania tekstów językowych mówionych. Natomiast w pracach Baudouina de Courtenay znaleźć można wiele stwierdzeń świadczących o tym, iż dobrze zdawał on sobie sprawę z tego, że system semantyczny kształtowy jakim jest pismo, służy nie tylko do komunikowania tekstów językowych mówionych, ale że posiada również szereg właściwości, które obce są tekstom fonicznym. Porównując teksty językowe mówione z tekstami pisanymi i stwierdzając ich zasadniczą odmienność Baudouin de Courtenay pisał: „Między elementami języka wymawianiowo-słuchowego a elementami języka pisano-wzrokowego istnieją tak głębokie i zasadnicze różnce, że o naśladowaniu jednego przez drugi mowy być nie może“ [1, *215*]. W związku z tym Baudouin stale zwracał uwagę na potrzebę bezwzględnego odróżniania tekstów mówionych od tekstów pisanych; czyli w jego terminologii „języka wymawianiowo-słuchowego“ i „języka pisano-wzrokowego“ oraz niezmiennie głosił konieczność rozróżniania głosek i liter. Było to jedno z naczelnych haseł naukowych Baudouina de Courtenay. Miarą wagi, jaką przywiązywał Baudouin do badań nad pismem jest fakt, że w pracy *Zarys językoznawstwa czyli lingwistyki* (*glottologii*) [15] zawierającej rozdział poświęcony językoznawstwu XX wieku, wśród 25 postulatów, od spełnienia których zależeć miał zdaniem uczonego dalszy pomyślny rozwój lingwistyki, problematyka pisma i jego stosunku do języka umieszczona została na pierwszym miejscu. Pisał tu Baudouin de Courtenay m. in., że z dalszym rozwojem lingwistyki wiązać się będzie rewindykacja „praw języka optycznego, upośledzonego dotychczas przez lingwistów“ [15, *264*], zaś rozróżnienie tekstów mówionych i tekstów pisanych prowadzić będzie nie tylko do badania zachodzących między nimi relacji, ale również

do badania obydwu rodzajów tekstów niezależnie od siebie. Ponadto zwracał uczony uwagę na rolę pisma w cywilizacyjnym rozwoju ludzkości, na jego funkcje społeczne i narodowe oraz na jego funkcję poznawczą i znaczenie dla badań naukowych[2].

Jak z powyższego wynika, problematyka pisma stanowiła istotny składnik w systemie poglądów naukowych Jana Baudouina de Courtenay. Pełna analiza wchodzących w skład tej problematyki zagadnień, ścisłe ustalenie miejsca, jakie zagadnienia te zajmują w systemie poglądów uczonego, ich miejsce w nauce współczesnej oraz znaczenie prac Baudouina dla dalszego rozwoju badań nad pismem zasługują na specjalne opracowanie. W niniejszym artykule możemy dać jedynie najogólniejszą charakterystykę badań Baudouina de Courtenay w dziedzinie teorii pisma.

Baudouin de Courtenay nie pozostawił pracy, która by ujmowała całość jego poglądów na problematykę pisma. Należy zresztą zauważyć, że i nauka współczesna nie dysponuje jeszcze opracowaniem, które by zawierało pełną teorię pisma. Analiza kilkudziesięciu prac Baudouina pozwala jednak na stwierdzenie, że w pracach tych występują niewątpliwie podstawowe elementy takiej teorii, a poglądy uczonego, do końca zresztą wzbogacane o nowe elementy, układają się w stosunkowo zwarty system.

Przede wszystkim dostrzegał Baudouin ptrzebę powołania specjalnej dyscypliny naukowej, której przedmiotem byłoby pismo. Baudouin proponował dla niej nazwy *grafia* lub *grafologia* [14, *8*]. Taka nadrzędna dyscyplina winna objąć swym zakresem *paleografię* oraz inną jeszcze postulowaną dyscyplinę badającą pismo w ujęciu synchronicznym, mianowicie *neografię*. Obok, dyscyplin badających język w ujęciu historycznym, a więc obok fonetyki, morfologii i składni historycznej, wyróżniał uczony historię alfabetu „czyli historię grafem i historię innych elementów graficznych ze strony czysto optycznej", „historię fonemografii, tj. rozpatrywania i objaśniania wyobrażeń pisaniowo-wzrokowych i ich połączeń bez względu na ich znaczenie i podzielność morfologiczną wyrazów w związku z innymi wyrazami pokrewnymi", „historię morfemografii, w której odstępuje się niekiedy od zasad czystej fonemografii dla uwydatnienia pokrewieństwa i związku etymologicznego wyrazów", „historię syntagmografii, tj. uwydatniania podziału zdań na ich części składowe czyli syntagmy" oraz „historię sememografii czyli sposobu uwydatniania na piśmie różnic znaczeniowych i uczuciowych lub nastrojowych" [14, *15*].

Jednak głównym przedmiotem zainteresowań Baudouina de Courtenay w obrębie nauki o piśmie były badania o charakterze synchronicznym, w szczególności zaś badania nad relacjami istniejącymi między tekstami pisanymi i mówionymi oraz między elementami obydwu rodzajów tekstów. Posługując się terminologią zaproponowaną niedawno przez A. Furdala [17], który wyróżnia naukę o piśmie szczegółową i naukę o piśmie porównawczą jako działy lingwistyki równoległe do językoznawstwa szczegóło-

[2] Te młodzieńcze prace Baudouina de Courtenay Były przedmiotem referatu P. Zwolińskiego, zatytułowanego *Językoznawcze prace Jana Baudouina de Courtenay jako studenta Szkoły Głownej*, który wygłoszony został 6.03.1979 r. w Warszawie na Międzynarodowej Konferencji „Jan Baudouin de Courtenay a lingwistyka światowa".

wego i porównawczego, powiedzieć można, że Baudouin działał na gruncie obydwu tych dyscyplin. Do prac szczegółowych, zawierających jednak duży ładunek uogólnień ogólnojęzykoznawczych należą przede wszystkim prace Baudouina na temat pisma rosyjskiego i polskiego [zob. w szczególności 1 i 9], natomiast w dziedzinie nauki o piśmie porównawczej wymienić trzeba w pierwszym rzędzie fragmenty wykładów kazańskich uczonego [6; zob. też 2; 10; 11] będące pierwszą próbą typologiczno-porównawczego ujęcai systemów pisma słowiańskiego, oraz podręcznik *Polskij jazyk sravnitelno s russkim i drevne-cerkovno-slavjanskim* (St. Peterburg 1912), który dostarcza interesujących przykładów konfrontatywnej analizy pisma, głównie rosyjskiego i polskiego. Te pionireskie próby typologicznej analizy pisma słowiańskiego zasługują na wnikliwą uwagę zwłaszcza w chwili obecnej, gdy przedstawiciele językoznawstwa słowiańskiego tak gorliwie zajmują się specyficznymi właściwościami tekstów pisanych.

Niewątpliwie centralne miejsce w baudounowskiej koncepcji pisma zajmują pojęcia alfabetu, grafiki i ortografii oraz — odpowiednio do tego — teoria alfabetu, teoria grafiki i teoria ortografii. Te trzy podstawowe części składowe pisma wyróżniał uczony już w jednej ze swych młodzieńych prac [5] i bliżej je zdefiniował w obszernej recenzji pracy A. Hilferdinga o alfabecie wszechsłowiańskim [7]. Alfabet definiował Baudouin de Courtenay jako uporządkowany zbiór znaków kształtowych, służących do transponowania głosek danego języka, grafikę natomiast — jako system relacji istniejących między znakami alfabetu lub ich połączeniami i głoskami lub połączeniami głosek niezależnie od znaczeń wyrazów, w których skład głoski te lub ich połączenia wchodzą. Ortografię zdefiniował uczony jako system reguł stosowania zasad grafiki do oznaczania całych wyrazów. Najwięcej miejsca poświęcał Baudouin grafice, formułując — w znacznym stopniu w oparciu o pracę J. Mrozińskiego [18] — system zasad, jakim powinna odpowiadać grafika „naukowa". Były to zasady następujące: „1) każda głoska języka powinna być oznaczona odrębnym, samodzielnym znakiem, odrębną, samodzielną literą; 2) każda litera powinna we wszystkich wypadkach oznaczać jedną i tę samą głoskę; 3) każda głoska powinna być we wszystkich wypadkach oznaczona przy pomocy jednego i tego samego znaku; 4) w piśmie nie powinno być ani jednego znaku, którego się nie wymawia; 5) wszystkie głoski powinny być oznaczone; 6) identyczne przekształcenia, identyczne modyfikacje głosek powinny być oznaczane identycznymi przekształceniami znaków (jeśli dla tych modyfikacji nie istnieją odrębne, samodzielne litery 7) należy dążyć do wyrażenia w piśmie nie tego, co intniało lub co jest możliwe, lecz do wyrażenia tego, co w języku istneje" [7,*12*]. Jest rzeczą oczywistą, że nie ma praktycznie grafiki odpowiadającej wszysktim tym zasadom i że w systemach graficznych poszczególnych języków zasady te realizowane są w różnym stopniu. Z tego faktu zdawał sobie sprawę również Baudouin de Courtenay stwierdzając wielokrotnie, że rozbieżność w liczbie fonemów danego języka i w liczbie odpowiadających im grafemów uznać trzeba za rzecz całkowicie normalną, co zresztą w sposób przekonywujący udowadnia na przykładzie systemów pisma słowiańskiego. Analizując np. system graficzny pisma rosyjskiego pisał Baudouin de Courtenay, że „dlja bolšinstva fonem russkogo jazykovogo myšlenija net podchodjaščich grafem, kotoryje

associrovalis' by s nimi bez ostatka (bez) izliška), no i bez nedostatka" 9,] *13*]. Przy okazji można tu dodać, że stwierdzając nadmiar grafemów dla rosyjskich fonemów samogłoskowych przy ich braku dla fonemów spółgłoskowych, planował Baudouin de Courtenay wyprowadzenie specjalnej formuły matematycznej [9, 67], która by pokazywała możliwości różnych połączeń graficznych.

Przechodząc do omówienia jednostek funkcjonujących w tekstach pisanych stwierdzić należy, że równolegle do jednostek „języka wymawianiowo-słuchowego" ustalał również Baudouin jednostki „języka pisanowzrokowego", a więc zdania i wyrażenia złożone, syntagmy (wyraz i stałe połączenia wyrazowe), morfemy i grafemy [13, 258]. Najmniejszą jednostką funkcjonującą w tekstach pisanych była dla Baudouina początkowo litera, a od roku 1901 grafem [12], któremu poświęcił uczony w swych pracach najwięcej uwagi. Baudouinowska koncepcja grafemu była już przedmiotem specjalnego studium [19], dlatego można w tym miejscu ograniczyć się do wskazania kilku najbardziej istotnych momentów. Przeciwstawienie grafemu literze poprzedziło w pracach Baudouina przeciwstawienie fonemu głosce. Grafem rozpatrywał uczony zarówo ze względu na jego stosunek do fonemu, jak i ze względu na stosunek do litery. Termin grafem definiowany jest w pracach Baudouina de Courtenay zasadniczo jako psychiczny odpowiednik' korelat litery, jako istniejące w psychice „wyobrażenia niepodzielnej litery" [1, *211*]. Por. też „grafema — predstavlenie prostejšego, dalše ne delimogo elementa pis'ma, ili pisanno-zritelnogo jazyka . . . Bukva — ostajuščijsja vo vnešnem mire optičeskij rezultat obnaruživanija suščestvujuščej v individualnoj psichike grafemy" [13, *290*]. Ponieważ związek między tekstami pisanymi i tekstami mówionymi ma wg Baudouina charakter psychiczny, to relacja *grafem* : *fonem* również ma charakter psychiczny. „Między „literami", jako trwale uzewnętrznianymi w świecie fizycznym wyobrażeniami graficzno-optycznymi, a między „głoskami" (brzmieniami), jako przemijająco uzewnętrznianymi w świecie zewnętrznym wyobrażeniami fonetyczno-akustycznymi nie ma najmniejszego związku. Związek asocjacyjny, związek skojarzeniowy istnieje tylko między wyobrażeniami jednej i drugiej kategorii, tj. między fonemami grafemami" [1, *210*]. Gdy chodzi o różnice między fonemami i grafemami, to zwraca przede wszystkim uwagę w koncepcji Baudouina twierdzenie o rozkładalności fonemów na drobniejsze cząstki, tj. kinemy i akusmy, oraz twierdzenie o nierozkładalności grafemów. „Grafemy właściwe są niejednolite i nierozkładalne. Nie ma przy nich elementów częściowych, odpowiadających kinemom, akusmom i kinakemom" [1, *211*].

Ze stanowiska ogólnojęzykoznawczego na szczególną uwagę zasługuje praca Baudouina de Courtenay Ob otnošenii russkogo pis'ma k russkomu jazyku, a zwłaszcza jej szęść pierwsza, teoretyczna, w której dokonał autor systematycznego przeglądu i porównania tekstów pisanych i tekstów mówionych. Zwrócił tu uczony uwagę na fundamentalną cechę tekstów pisanych, mianowicie ich dwuwymiarowość, przeciwstawiając ją linearności tekstów mówionych [9, *22*]. Z dwuwymiarowością tekstów pisanych wiąże się bowiem ich różnorodność, manifestująca się m.in. w różnicach wielkości, kształtów i kolorów elementów graficznych. Ta różnorodność form elementów graficznych powoduje, jak to zauważa Baudouin, że pismo posiada wiele właś-

ciwości obcych tekstom fonicznym. Niektóre z tych właściwości, stwierdza uczony, mogą być wykorzystane do celów komunikatywnych, czyli w jego terminologii, mogą być wykorzystane dla morfologizacji i semazjologizacji różnic pisano-wzrokowych. Są to takie środki wróżnienia typograficznego i pisarskiego jak: odróżnienie liter dużych i małych, antykwa i kursywa, rozstrzelenie, wyróżnienie fragmentów podkreślonych i niepodkreślonych oraz niektóre inne. Na zakończenie podkreślić należy, że te pochodzące z początku bieżącego wieku rozważania Baudouina de Courtenay nad właściwościami komunikatywnymi pisma do dziś posiadają trwałą wartość naukową, a pionierski charakter wielu prac uczonego w dziedzinie badań nad pismem pozwala nam widzieć w Baudouinie nie tylko twórcę podstaw nauki o piśmie, ale także prekursora tak ważnych dzisiaj badań nad właściwościami funkcyjnymi pisma.

LITERATURA

[1] Jan Baudouin de Courtenay, Charakterystyka psychologiczna języka polskiego, Encyklopedia polska, t. 2, Kraków 1915, s. 154—226.

[2] — Einfluss der Sprache auf Weltanschaung und Stimmung, Warszawa 1929.

[3] — Kilka słów z powodu wzmianki Tygodnika Ilustrowanego o rozprawie dra J. Ew. Purkyniego „O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich", Warszawa 1865.

[4] — Kwestia alfabetu litewskiego w państwie rosyjskim i jej rozwiązanie, Kraków 1904.

[5] — Několik poznamenání o polském pravopisu, Praha 1868.

[6] — Nekotorye otdely „Sravnitel'noj grammatiki" slavjanskich jazykov, Russkij Filologičeskij Vestnik, t. 5, 1881, s. 265—344.

[7] — Neskol'ko slov po povodu „Obščeslovjanskoj azbuki", St. Peterburg 1871.

[8] — O związku wyobrażeń fonetycznych z wyobrażeniami morfologicznymi, syntaktycznymi i semazjologicznymi, Warszawa 1908.

[9] — Ob otnošenii russkogo pis'ma k russkomu jazyku, St. Peterburg 1912.

[10] — Podrobnaja programma lekcij I. A. Bouduena de Kurtene v 1876—1877 učebnom godu, Kazan' 1878.

[11] — Podrobnaja programma lekcij I. A. Boduena de Kurtene v 1877—1878 učebnom godu, Kazan' 1881.

[12] — Wzkazówki dla zapisujących materiały gwarowe na obszarze językowym polskim, Materiały i Prace Komisji Językowej Akademii Umiejętnostśi, t. 1, 1901, z. 1, s. 115—139.

[13] — Vvedenie v jazykoznanie, Izbrannyje trudy po obščemu jazykoznanijuk t. 2, Moskva 1963, s. 246—293.

[14] — Zarys historii języka polskiego, Warszawa 1923.

[15] — Zarys historii językoznawstwa czyli lingwistyki (glottologii), Poradnik dla samouków, seria 3, t. s. Warszawa 1909, s. 35—302.

[16] A. Furdal, Językoznawstwo otwarte, Wrocław 1977.

[17] — Teoria pisma i jej znaczenie dla slawistyki, Z polskich studiów slawiastycznych, seria 5, Warszawa 1978, s. 29—34.

[18] J. Mroziński, Odpowiedź na umieszczoną w Gazecie Literackiej recenzję dzieła pod tytułem: Pierwsze zasady gramatyki języka poslskiego, Warszawa 1824.

[19] P. Ruszkiewicz, Jan Baudouin de Courtenay's Theory of the Grapheme, Acta Philologica, Warszawa 1978, s. 111—128.

[20] F. de Saussure, Kurs językoznawstwa ogólnego, tłum. K. Kasparzyk, Warszawa 1961.

ЛИТЕРАТУРА

Луцјан Суханек

РУСКИОТ РОМАНТИЗАМ: ГЕНЕЗА, ХРОНОЛОГИЈА, ПЕРИОДИЗАЦИЈА

И покрај импозантниот број студии за рускиот романтизам прашањето на правецот, неговата еволуција и внатрешната поделба до сега не биле предмет на посебни расправи. Тој проблем повеќекратно е поставуван случајно, на маргините од поголеми трудови, но сепак не е создадена целосна развојна шема на овој правец. Без сомнение на тоа повлијаел фактот, што во поранешните трудови е преувеличувана улогата и значењето на реалистичката линија во развојот на руската литература од првата половина на XIX век. Пропагирајќи ги принципите на универзалниот реализам, неосновано кон тој правец се приклучени многу дела, меѓу нив и од перата на А. Пушкин, М. Лермонтов или Н. Гогољ, кои по својата природа се романтички дела. Сепак вреди да се забележи дека во последно време во советската наука се слушаат гласови кои предупредуваат на одењето во спротивен правец. Така на пример ленинградскиот научник Е. Купрејанова зборувајќи за еволуцијата на романтизмот подвлекува дека на овој правец сега му се присвојувани од страна на истражувачите такви вредности кои му припаѓаат на реализмот[1]. Почнува да се води спор не само за одделни дела, туку и за теоријата на „перманентниот романтизам“, според која романтизмот, типолошки определен, е третиран како творечки метод паралелен со реализмот и присутен во литературата во разни развојни епохи.

Во овој труд романтизмот е третиран стриктно историски, значи како конкретен литературен правец. Определувањето на временските граници на овој правец, како и разликувањето на помали единици во неговите рамки-внатрешни фази-не е можно без утврдување на прецизни методолошки премиси. На почетокот треба да се спомне дека во современата литературна наука постојат школи кои ги отфрлаат поимите како правец и период, признавајќи го литературното дело за единствен реален факт. Меѓу поновите методолошки правци со токму таква ергоцентрична ориентација може да се спомне концепцијата на Р. Барт за историјата на литературата како функција, теоријата на Нортроп Фрај, според кого литературата претставува само ред од збо-

[1] Елена Купреянова: Что такое романтизм и что такое реализм, „Руская Литература“ 1974, № 2, ss. 109—120.

рови, но не и збир од дела, или мнението на швајцарско-германската школа Kunst der Interpretation како и на американскиот контекстуализам, кои предметот на истражување го ограничуваат исклучиво на делото како независен и неповторлив универзум[2].

Методолошката премиса која се обраќа кон феноменологијата и погледите на Е. Хасерл[3] и според која исклучиво делото е предмет на истражување, овозможува вршење на многу детализирани анализи и интерпретации, но сепак не дозволува да се забележи развојната непрекинатост на литературата, која може да се докаже оперирајќи со поимот правец или период. Без оглед на тоа што класификациите и поделбите не ѝ одговараат сосема на литературната стварност, служењето со категориите правец и период се покажува како необично корисно. Тие овозможуваат променливоста и течноста на литературниот процес" да се заклучи во единствена слика, до определен степен да се имобилизира"[4].

Пред истражувачите кои ја прифаќаат теоријата на литературниот период и правец стои необично важен и сложен проблем кој се однесува на содржината на тие периодизациски единици. Пред сè треба да се прифати една од можните дефиниции на литературниот правец. Р. Велек обрнува внимание на две крајни концепции за правецот: метафизичка, која гласи дека тој е „посебна целост, чија суштина може да се спознае само интуитивно" и номиналистичка, според која тоа не е ништо повеќе од прифатено име за целите на описот на некој дел од времето што го испитуваме"[5]. На сличен начин тоа прашање го сфаќа и Х. Маркиевич: „може да се зборува за литературен правец како за колективен збир или како за дистрибутивен збир (значи апстрактен предмет)... Во првиот случај би се сакало литературниот правец да се третира како комплекс литературни дела генетски поврзани и како резултат на тоа снабдени со заеднички црти... Во второто значење — литературниот правец е комплекс на еволуирачки заеднички црти за тој збир од дела"[6]

Од гледна точка на теоријата на познанието и логиката литературниот правец може да се третира како класификациски, типолошки или политипичен поим[7]. Со прифаќањето на класификацискиот метод добиваме премногу тесна дефиниција. Нејзината суштина е во тоа што во секој примерок од збирот (т.е. литературното дело) мора да се нао-

[2] Види: Roman Ziomek: Metodologiczne problemy syntezy historycznoliterackiej, /во:/ Problemy metodologiczne współczesnego literaturoznawstwa, pod red. Henryka Markiewicza i Janusza Sławińskiego, Kraków 1976, s. 37.

[3] Сп.: Krystyna Pomorska: Teoria języka poetyckiego i przedmiot poetyki w tzw. szkole formalnej, „Pamiętnik Literacki" 1963, Nr 3, s. 39.

[4] Stanisław Balbus: Czy literatura jest podzielna, „Życeie Literackie" 1972, Nr 38.

[5] René Wellek, Austin Warren: Teoria literatury, Warszawa 1970, s. 359.

[6] Henryk Markiewicz: Główne problemy wiedzy o literaturze, Kraków 1966, ss. 192—193.

[7] За тие типови на дефиниции во однос на жанрот пишува Стефан Савицки во трудот Gatunek literacki: pojęcie klasyfikacyjne, typologicne, politypiczne, /во/: Problemy metodologiczne współczesnego literaturoznawstwa, op. cit., ss. 204—212.

ѓаат сите особини кои го сочинуваат дадениот поим (романтизам). Делото во кое недостига макар една од особините од дефиницијата со класификациски карактер не може да биде вброено во опишаниот збир (т.е. правец).

Макс Вебер во методологијата внесува типолошки поими. Според овој германски научник кај типолошките поими потполната идентичност на особините на сите примероци од збирот не е неопходен услов. Еден од основните поими од филозофијата на учењето на Макс Вебер-идеалниот тип-" се создава преку еднострано подвлекување на едно или повеќе гледишта и низ синтеза на повеќе распрснати, посебни, застапени во помал или поголем степен, а понекогаш и конкретно незастапени индивидуални појави, кои се поврзани во еднородна мисловна конструкција (Gedankebild) согласно со еднострано определените гледни точки. Имајќи ја предвид чистотата на поимот таа конструкција нема соодветство во стварноста и е утопија[8].

Австрискиот филозоф Лудвиг Витгенштајн ги создал политипичните поими кои овозможуваат набљудување на многу опширен материјал. Решавачка улога во нив не игра квалитетната сличност кон моделот туку бројната, што значи бројот на заедничките особини. Како резултат на тоа во определен збир (на пр. романтичкиот правец) „заедно со единиците со многу голема сличност може да има единици со многу мала сличност, па и такви кои немаат ниедна заедничка црта. Нивното заедништво се потпира единствено на релацијата кон образецот"[9].

Во случајот на рускиот романтизам истражувачите не се согласуваат по прашањето на дискриминантите на романтичкиот правец. Во советската наука се оцртуваат две поларизирани гледишта по ова прашање: едни сметаат дека треба да се зборува за комплекс од битни особини, а другите се склони да ја бараат доминантата. Според А. Н. Соколов досегашните обиди за дефинирање на романтизмот се базирале на погрешна методолошка премиса бидејќи не е земен предвид целиот систем на детални особини, ограничувајќи се на доминантата. И така на пр. А. Веселовски за основна одлика на романтизмот го сметал либерализмот, И. Замотин — идеализмот, В. Сиповски — индивидуализмот, П. Сакулин — ирационализмот, А. Белецки — сликовитоста на стилот[10]. Современите советски научници ја бараат доминантата и во такви фактори како иделогијата, апотеозата на личноста, апсолутизацијата на идеалот и други. Карактеристичен е ставот на Г. Поспелов, кој критички се однесува кон постулираниот од Соколов комплекс на особини како одлика на правецот. Според овој научник

---

[8] Max Weber: Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftlehre, Tübingen 1951, s. 19 Cyt. wg.: Miłowit Kuniński, Problem racjonalności w filozofii nauki Maxa Webera, „Studia Filozoficzne" 1976, Nr 5, s. 68.

[9] Stefan Sawicki: op. cit., s. 208.

[10] Александр Соколов, К спорам о романтизме, „Вопросы Литературы" 1963, No 7.

тие не можат да имаат ист ранг, туку мора да подлежат на хиерархизација, а доминантната позиција во дефиницијата на романтизмот ѝ припаѓа на идеолошката содржина[11].

Наредниот теоретски проблем за истражувачите на правците и периодите се однесува на начинот на изделување на тие единици. Правилно пишува Ј. Славињски дека обидите за изделување на целости од развојниот ток на литературата покажува оти „категоријата на историсколитературната еволуција не дозволува да се изведе од простиот редослед на појавите"[12]. Овој полски научник тука мисли на проблемот на традицијата, делувањето на дијахронијата врз синхронијата. Се работи истовремено за сфаќање на периодот како систем од повеќе правци[13], како и за тоа, во каков однос останува новиот правец кон претходниот, дали мора да постои развојна непрекинатост врз база на континуација или негација, дали е можна појава на правец исклучиво како резултат на влијание однадвор.

Последниот теоретски проблем непосредно е поврзан со начинот на манифестирање на новиот правец, т.е. со тоа дали тој се појавува како резултат на бавна еволуција или на брз прелом.

Зафаќајќи се со обид да се претстави историјата на рускиот романтизам, неговата генеза и периодизација, треба да се има предвид уште една премиса поврзана со концепцијата за повеќе правци на историсколитературниот период. Имено, се покажува како неопходно обраќањето кон теоријата за фази на правецот, која овозможува да се покаже како рускиот романтизам се пласира на мапата на литературните правци во епохата. Извршувајќи извесни упростувања во премногу атомизираниот модел на „живот" на правецот, кој е често тежок за употреба во практиката, предлагаме во него да се издвојат четири фази- рана, офанзивна, врвна и доцна

Во советската историографија на литературата во однос на периодот кој нас ќе не интересира за историјата на рускиот романтизам се изделуваат обично периодизациски единици кои ги опфаќаат годините 1800—1815, 1816—1825, 1826—1842, 1843—1855. Во таа периодизациска шема, во голема мера базирана на критериуми кои спрема литературата се надворешни (почеток на векот, востанието на декабристите), прашањето на литературните правци е повлечено на подалечен план. Третирајќи го периодот, согласно со прифатеното гледиште, како конструкција од повеќе правци, во руската литература од првата половина на XIX век забележуваме истовремено постоење — во разни конфигурации — на неколку правци, а имено на класицизмот, преромантизмот, сентиментализмот, романтизмот и реализмот.

Во именуваната група литературни правци необично важна алка од гледна точка на хронологијата на рускиот романтизам претставува

---

[11] Геннадий Поспелов: Может ли быть романтизм без романтики, „Вопросы Литературы" 1963, No 7.

[12] Janusz Sławiński: Synchronia i diachronia w procesie historycznoliterackim, во: Problemy teorii literatury. 2, red. Henryk Markiewicz, Wrocław 1976, s. 272.

[13] За тој проблем види:: H. Markiewicz: op. cit., s. 200.

преромантизмот. Терминот преромантизам внесен во научната терминологија за литературата од Д. Морне[14], а популаризиран од познатиот компаративист П. ван Тигем[15], до денес не е сфаќан еднозначно, а од многу научници директно е отфрлен како неприфатлив и погрешен. Во советската наука преромантизмот спаѓа во најконтроверзните и недообработени проблеми. Со право забележува Г. Смит дека советските истражувачи на литературата на XVIII век, за разлика од западните научници, особено англистите, почесто и порадо се служат со терминот сентиментализам отколку преромантизам[16]. Во публикациите од последните години како противник на преромантизмот истапи К. Григорјан, според кој таа категорија во литературната наука има мала применливост[17]. Поинакво гледиште има А. Архипова, која го третира преромантизмот како литературен правец кој на руско тло се одликува со активност и живост[18]. Привразник на терминот преромантизам е и канадскиот истражувач Рудолф Нојхојзер[19].

Во случајот на рускиот преромантизам сепак не се работи исклучиво за прифаќање или негација на тој поим, туку за начинот на неговото сфаќање, за содржината на терминот. Меѓу истражувачите кои се занимаваат со европскиот преромантизам владее согласност во тоа, дека тој претставува реакција против псевдокласичната поезија со имитаторски карактер. Но тој имал исто така и позитивна програма-предлагал нов модел на литература, повикувал на црпење од подруги извори на инспирација одошто дотогаш, повикувајќи на оригиналност и искреност на исказот. Во поимот руски преромантизам влегуваат и такви појави како осјанизам, јунгизам, готицизам, поезија на гробови. Како пример на вистинско, што значи нестеснувано со вештачки правила, автентично литературно творештво посочувани се делата на скандинавските скалди, шкотските барди и народните песни. Рускиот преромантизам, кој во споредба со литературата од Западна Европа е роден нешто подоцна, ги содржел сите тие елементи[20].

---

[14] Daniel Mornet: Le romantisme en France au XVIIIe siecle, Paris, 1912.

[15] Paul van Tieghem: Le préromantisme, t. 1—3, Paris 1924—1947.

[16] G. S. Smith: Sentimentalism and Preromanticism as Forme and Concepts, во: Russian Literature in the Age of Catherine the Great, Oxford 1976.

[17] Русский романтизм, Отв. ред. К. Григорьян, Ленинград 1978, s. 10.

[18] А. Архипова: О русском предромантизме, „Руская Литература" 1978, No I, s. 15, 25.

[19] Rudolf Neuhäuser: Periodisation and Classification of Sentimental and Preromantic Trends in Russian Literature between 1750 and 1815 во: Canadian Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, The Hague 1973; idem: Towards the Romantic Age. Essays on Sentimental and Preromantic Literature in Russia, The Hague 1974.

[20] Д. Шарыпкин: Скандинавская тема в русской романтической литературе, /во/ Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы, Отв. ред. М. П. Алексеев, Ленинград 1972: Р. Иезуитова: Поэзия русского оссианизма, „Русская литература" 1965, No 3; И. Дмоховская: Из истории руско-исландских литературных отношений, /во/: Скандинавский сборник, вып. IX, Таллин 1964; Русская литература и фольклор: Первая половина XIX века, Ред. колл. А. А Горелов, Ф. Я. Прийма. . . , Ленинград 1976; Glynn Barrat: The Melancholy and the Wild: a Note on Macpherson's Russian Succes, во: Studies in the Eighteenth — Century Culture, vol. III, Cleveland—Lndon 1973.

Некои советски и полски научници во рускиот преромантизам ги вклучуваат и баладите на В. Жуковски. Според нив авторот на „Светлана" на руско тло го пренесувал творештвото на такви поети како Г. Биргер или В. Гете, кои понекогаш се сметаат за претставници на преромантизмот. Погоре цитираните научници не ги земаат предвид појавите, кои Х. Маркиевич ги определува како „несразмерност на границите на поимите.". Тој проблем авторот на „Главните проблеми на науката за литературата" го објаснува на следниот начин: еквивалент на полскиот романтизам не ќе биде deutsche Romantik туку поширока целост, која ги опфаќа исто така и Sturm und Drang и класиката"[21]. Слично гледиште застапува и унгарскиот научник I. Söter кој тврди: „Ако во германската литература треба да се оддели епохата на Sturm und Drang од романтичкото движење, кое започнува од Новалис и Вакенродер, тогаш во мнозинството романтички литератури во земјите од Средна и Источна Европа таквото одделување е целосно неоправдано[22]".

Вистина е дека Жуковски ги внесува во руската литература баладите на Биргер, Гете, Шилер, автори кои во германската наука се вбројуваат во периодот „Бура и притисок" и класиката. Тие поети во руската литературна традиција, впрочем, слично како и во полската биле сметани за претставници на романтизмот. Но не решава само тој факт за тоа дали баладите на Жуковски треба да се поврзуваат со преромантизмот. Треба да се има предвид исто така дека рускиот поет бил творец на нов структурален модел на видот балада, поинаков од преромантичкиот образец, каков што се појавил во Русија при крајот на XVIII век, благодарение на такви поети како М. Муравјев, М. Карамзин, А. Мерзлаков, М. Лвов, Х. Богданович. Преромантичка верзија на балада на почетокот на XIX век среќаваме покрај тоа и кај Г. Камењев, Ф. Иванов, С. Бобров, М. Остолопов[23].

Баладите на Жуковски од критиката и читателите се примани како дела кои репрезентираат нов правец во руската литература-романтизам и затоа годината 1808 ,датата на појавувањето на „Људмила", може да се земе за почеток на раната фаза на романтизмот во Русија, која трае до 1820 г.

Зборувајќи за генезата на романтичкиот правец во Русија, Б. Галстер со право подвлекува дека „рускиот романтизам се формирал не по пат на револуционерен скок туку на постепена еволуција"[24]. Не можеме, сепак да се согласиме со тврдењето дека во Русија не може да се определи јасен граничен пункт, како што било во Полска. За таков граничен пункт може да се земе 1808 г. Навистина, таа дата, ако се работи

---

[21] H. Markiewicz: op. cit., s. 202.

[22] Istvan Söter: Романтизм: Предыстория и периодизация во: Европейский романтизм, op. cit., s. 51.

[23] Lucjan Suchanek: Rosyjska ballada romantyczna, Wrocław 1974; idem: U źródeł rosyjskiej ballady romantycznej, „Slavia Orientalis" 1973, Nr 1, ss. 3—17.

[24] B. Galster: Przełom romantyczny w Polsce i Rosji, /w:/ Spotkania literackie, Wrocław 1973, s. 40.

за тежината на литературниот настан, не може да се спореди со 1822 г. во Полска, со појавувањето на баладите и романсите на Мицкиевич, но вреди да се обрне внимание на тоа дека како во руската литература така и во полската нова развојна фаза отворал истиот вид-баладата.

Руската поезија од тој период, а особено творештвото на Жуковски е пример за промените во литературата на Европа, на кои обрнала внимание во своето дело „Германци" madame de Staël. Новиот правец во почетокот прилично слабо се јавувал, истапувајќи покрај класицизмот, сентиментализмот и преромантизмот. Најзначајна фигура на таа рана фаза на романтизмот во Русија бил, како што веќе спомнавме, Жуковски. Покрај него може да се спомене и П. Катенин, чии балади заземаат важна позиција во историскиот развој на тој вид.

Не изгледа правилно за крајна граница на раната фаза на романтизмот да се смета 1825 г. Тоа била важна дата во политичката историја на Русија, но од гледна точка на литературата не претставува важна цезура. Програмата на востанието очигледно повлијаела на содржината од делата на писателите, но тоа повеќе станало како последица од забраните на цензурата одошто како резултат на иманентните промени на литературата.

Офанзивната фаза на рускиот романтизам е во третата деценија на XIX век, во историографијата често нарекувана дваесетти години. Нејзина централна фигура бил Пушкин, чии јужни поеми, по примерот на делата од Бајрон, во тој период одиграле важна улога. Многу научници сметаат дека тие претставуваат почеток на романтичкиот правец во Русија. Но не само видот поема, со кој се занимавале и К. Рилеев, В. Жуковски, И. Козлов, А. Подолински, Е. Боратински, ја претставува офанзивната фаза на рускиот романтизам. Решавачко значење има и лириката, особено делата на Пушкин. Се чини дека творбата на овој автор „Згасна светлото на денот" од 1820 г. може да се смета за една од првите руски романтични песни. Романтичка лирика среќаваме и во творештвото на поетите од т.н. пушкинска плејада, пред сè кај Е. Боратински и М. Јазиков, а во знатно помал степен и кај П. Вјаземски[25] и А. Делвиг. Романтичкиот правец во прозата на третата деценија од XIX век го претставува творештвото на љубомудрите, како и на до нив блиските групи автори како А. Хомјаков и С. Шевирев. Тие пропагирале поезија на мислите базирајќи се на германската идеалистичка филозофија, особено на делата од Ф. Шелинг. Меѓу творците на лирски песни во офанзивната фаза на рускиот романтизам треба да се вклучат и В. Жуковски, И. Козлов, А. Подолински, В. Печерин, В. Тумански, А. Полежаев и уште многу други, често второкласни поети.

Во светлината на досегашните определби тешко е еднозначно да се дефинира поезијата на декабристите. Изгледа дискутабилно гледиштето на В. Базанов, кој делата на декабристите ги поврзува со романтичкиот правец, додавајќи сепак, дека тоа е романтизам од посебен вид, кој сè уште покажува силна поврзаност со идеологијата на Прос-

[25] Jan M. Meijer: Vjazemskij and Romanticism, /w:/ Dutch Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, op. cit., ss. 271—303.

ветителството[26]. Поубедлив изгледа судот на А. Гуревич, според кого поезијата на декабристите само делумно му припаѓа на романтизмот[27]. Блиска позиција заземаат полските истражувачи Б. Галстер и А. Семчук, кои забележуваат само некои романтички тенденции во творештвото на декабристите[28].

Во почетокот на дваесеттите години во Русија започнува да се развива романтичката проза. За нејзин творец треба да се признае А. Бестужев-Марлињски, автор на бројни романтички новели како „Роман и Олга" или „Замокот Венден"[29]. При крајот на разгледуваниот период објавена е збирката раскази на А. Погорелски „Двојник или моите вечери во Малорусија"[30], а една година подоцна делото на А. Загоскин " Јуриј Милославски или Русите во 1612 г." кое се смета за прв руски историски роман.

Покрај епиката во офанзивната фаза на рускиот романтизам се формира и руската драматургија. Неа ја започнува Пушкин со својата трагедија „Борис Годунов". За претставник на романтичката драма од разгледуваниот период треба да се смета и А. Хомјаков, автор на трагедијата „Јермак", која тогашните критичари ја сметале за прв обид на руската романтичка трагедија.

Врвната фаза на рускиот романтизам спаѓа во четвртата деценија од XIX век (триесетти години). Челна фигура на литературата од тој период бил Михаил Лермонтов, автор на лирика, поеми, прозни и драмски дела. Друг важен претставник на романтизмот од тој период бил Ф. Тјутчев. Обајцата поети, слично како и Е. Боратински, членовите на кружокот на Станкјевич (особено К. Аксаков), А. Хомјаков, В. Бенедиктов, биле под силно влијание на германската филозофија. Заинтересираноста за мислите на Шелинг и во резултат на тоа филозофичноста на лириката може да се смета за карактеристична црта на врвната фаза на рускиот романтизам. Токму во тоа време со романтички песни и поеми, во кои од почетокот се гледа влијанието на Бенедиктов, а подоцна на Бајрон и Лермонтов, го започнува своето творештво Иван Тургенев[31].

Во триесеттите години се забележува динамичен развој на романтичката проза. Автори на романи, раскази и новели, кои се одликуваат со тематска и уметничка разнородност, биле такви писатели како Пушкин, Лермонтов, Гогољ, Бестужев-Марлињски, М. Полевој,

---

[26] Василий Базанов: Очерки декабристской литературы, Москва 1961.

[27] А. Гуревич: На подступах к романтизму. О русской лирике 1980-х годов, во: Проблемы романтизма. Сборник статей, вып. I, Сост. Ульрих Фохт, Москва 1967.

[28] Bohdan Galster, Antoni Semczuk: О некоторых проблемах теории декабристского романтизма, во: Романтизм в славянских литературах, op. cit.

[29] Николай Степанов: Романтические повести Марлинского, „Литературная учёба" 1937, сентябрь, ss. 25—59; Janusz Henzel: Proza Aleksandra Biestużewa-Marlińskiego w okresie petersburskim, Wrocław 1967.

[30] Józef Smaga: Antoni Pogorielski, Życie i twórczość na tle epoki, Wrocław 1970, s. 70 i nast.

[31] Пётр Пустовойт: Романтическое начало в творчестве И. С. Тургенева, во: Романтизм в славянских литературах, op. cit., s. 260 и nast.

В. Одоевски, М. Павлов, Т. Булхарин, М. Загоскин, И. Лажечников, А. Велтман и други. Меѓутоа романтичката драматургија од таа етапа не може да се пофали со многу голем број дела. Малубројни драмски дела излегле од перата на Пушкин, Лермонтов, Хомјаков (Димитар Самозванец), Кихелбекер (Ижерски)[32], Куколник.

Во последната деценија од првата половина на XIX век е доцната фаза на рускиот романтизам. Во поезијата неа ја претставуваат покрај Тјутчев, Боратински, Бенедиктов и неколку други поети кои ја започнуваат својата дејност во триесеттите години, претставниции на новото поколение, кои по правило дебитираат со книги стихови околу 1840 г. — К. Јаениш-Павлова, А. Фет, Л. Меј, А. К. Толстој, Ј. Полонски, А. Григорјев, М. Огарев, Н. Некрасов и поетите-петрашевци — А. Плешчеев, С. Дуров, А. Палм. Важна улога во нивното творештво одиграле идеалите и естетичките канони формирани во триесеттите години. Особено карактеристична појава во литературата од доцната фаза на романтизмот била рефлексивната поезија на која влијаеле Лермонтов и Боратински. Прифатено е да се изделува група поети определувани со името школа на Лермонтов, иако тие не црпеле исклучиво од лириката на авторот на „Демон“.

Покрај занимавањето со рефлексивна поезија кај такви автори како К. Павлов, А. Фет, А. К. Толстој, Л. Меј, Ј. Полонски карактеристично е прибегнувањето кон баладата, вид кој ја започнал романтичката етапа во руската литература[33].

Во четириесеттите години романтичкиот правец во руската поезија го претставуваат и приврзаниците на словенофилската ориентација — К. Аксаков, А. Хомјаков, И. Аксаков[34]. Поетското творештво на словенофилите било илустрација на доктрината, во која на челно место се истакнува мисионизмот, пропагирањето на враќањето кон битот на претпетровските времиња, како и критика на западната цивилизација.

Доцната фаза на рускиот романтизам има не мали достигања во областа на прозното творештво и покрај тоа што на почетокот од тој период во прозата се формира антиромантичка опозиција поврзана со натуралната школа. Свој романтички период во творештвото имал и

---

[32] Семён Карлинский: Трилогия Кюхельбекера Ижорский как пример романтического возрождения средневековой мистерии, во: American Contributions on the Seventh International Congress of Slavists, op. cit., s. 307—320. Dwie pierwsze części dramatu Küchelbeckera opublikowane zostały w roku 1835. trzecią część napisał autor w latach 1840—1841.

[33] Lucjan Suchanek: Typy i formy balladowych opowieści. Ze studiów nad rosyjską poezią romantyczną lat czterdziestych, во: Studia rusycystyczne z epoki romantizmu, Wrocław 1973, s. 77—89.

[34] Василий Кулешов: Славянофилы и романтизм, во: К истории руского романтизма, Москва 1973, s. 305—344; idem: Славянофилы и русская литература, Москва 1976; В. Троицкий. Е. Лебедев: Поэзия славянофилов, во: Литературные взгляды и творчество славянофилов, Москва 1978, ss. 290—368: Adam Bezwiński: Twórczość poetycka Aleksego Chomiakowa, Wrocław 1976.

Ф. Достоевски, автор на такви дела како „Двојник", „Стопанка", „Неточка Незванова", „Бели ноќи". Во нив поставувал, угледувајќи се пред сè на творештвото на Е. Хофман, популарни романтички теми, такви како раздвојување на личноста, визии во сон, сомнамбулни состојби, магнетски сили, мечтаење, уживање во убавината, претставувал типични романтични херои-двојник, безумник, мечтател[35].

Врска со романтизмот покажуваат и делата на И. Тургенев „Андреј Колосов", „Три портрети", „Кавгација". Тие биле напишани во стилот на прозата на Пушкин и Лермонтов, но авторот сепак се обидел во низ да го дискредитира романтичкиот јунак[36]. Значаен за романтичкиот однос кон светот и човекот, романтичкиот начин на чувствување на природата се чувствува и од расказите од циклусот „Записи на ловецот" — „Пеачи", „Бежина ливада" како и во новелата „Три средби".

Силни влијанија на романтизмот има во романот на И. Гончаров „Обична историја". Тие се однесуваат како на стилот во делото така и на начинот на креирањето на главниот јунак („излишен човек") и женските ликови.

Последната деценија од првата половина на XIX век е етапа во историјата на руската литература кога романтизмот, особено по 1842 г., почнува да се симнува на втор план, отстапувајќи ѝ место на раната фаза на реализмот, определувана со името натурална школа[37]. Романтизмот сепак не исчезнува сосема од литературната арена и во втората половина на XIX век. За тоа сведочи творештвото на поетите, кои В. Кожинов ги определува како „школа на Тјутчев"[38]. Таа школа, според овој советски научник, претставува посебна линија и истовремено специфичен развоен стадиум во историјата на руската романтичка поезија. Нејзините почетоци досегаат до преломот на 1820—1830 г., но делуваат активно и во четириесеттите, педесеттите и шеесеттите години. За нејзини претставници Кожинов ги смета Хомјаков, Шевирев, Ф. Глинка, а исто така и Вјаземски. Главна особина на тие автори, која се пројавува како во формалната структура така и во содржината била дисхармонијата, која изразито се пројавува при споредба со лириката од школата на Пушкин. Ја обележува исто така уште и, значајниот и за самиот Тјутчев, антииндивидуализам кој го поврзува творештвото на поетите од таа група со германските романтичари, надоврзувајќи се на филозофската мисла на доцниот Шелинг.

---

[35] К. Тюнькин: Романтическая культура и её отражение в творчестве Ф. М. Достоевского, во: Романтизм в славянских литературах, op. cit., ss. 278 — 306; Ryszard Przybylski: Dostojewski i „przeklęte problemy", Warszawa 1964.

[36] Пётр Пустовойт: op. cit., s. 269 i nast.; Antoni Semczuk: Iwan Turgieniew, Warszawa 1970, s. 269.

[37] Dmitrij Tschiževskij uważał, iż szkoła naturalna była jeszcze właściwie kierunkiem romantycznym. Види: D. Tschiževskij: Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. I. Die Romantik, München 1964, s. 115.

[38] Вадим Кожинов: О „тютчевской" школе в русской лирике /1830—1860-е годы/, во: К истории русского романтизма, op. cit., ss. 345—384. Види и : В. Троицкий, Е. Лебедев: op. cit., ss. 290—368.

Се чини дека во однос на поетите кои В. Кожинов ги определува како „школа на Тјутчев“, како и во однос на некои други автори, кои ја започнуваат својата литературна кариера во дваесеттите и триесеттите години и го продолжуваат творештвото, често и по подолг прекид, во втората половина на XIX век, такви како А. Подолински, може да се употреби терминот постромантизам. Постромантизмот ние го третираме како форма на традиционализам базиран на „верноста кон веќе проверените и установени конвенции“[39]. Но тој не е синоним на епигонизмот иако со него има многу заедничко. Тие поими се разликуваат пред сè од аксиолошки аспект, бидејќи терминот епигонизам по правило се употребува во однос на малкуталентираните автори, кои творат на литературната периферија и чии дела имаат сигурно секундарен карактер. Како појава во рускиот романтизам епигонизмот, сфатен како пасивно наследување на мисловните концепции и формалните решенија кои се манифестираат кај значајните творци, се појавил значно порано. Многу поети кои твореле во епохата на романтизмот може да бидат наречени епигони, затоа што не можејќи да ја збогатат поетиката на романтизмот само ги копирале помалку или повеќе успешно обрасците популарни во литературата од тој период.

Превод од полски— М. Каранфиловски

[39] Michał Głowiński, Teresa Kostkiewiczowa, Aleksandra Okopień-Sławińska, Janusz Sławiński: Słownik terminów literackich, Warszawa 1976, s. 465.

Х. Шмидт

ДОСТОЕВСКИЙ И ЕГО ЕПОХА

Ф. М. Достоевский принадлежит к самым сложным и противоречивым, к самым спорным явлениям русской и мировой культуры.

Гениальный художник слова, страстный разоблачитель негуманности общественного строя и пламенный заступник униженных и оскорблённых, мечтающий о счастье человека в будущем справедливом устройстве общества, он в то же время своим учением, своими выпадами против революционно-демократического движения сам подавал повод для недоразумений и противоречивых истолкований его мировоззрения и творчества.

Идейная борьба вокруг наследия Достоевского ведётся с появ ления в свет произведений Достоевского и с тех пор не утихает. Ожесто чённым нападкам в этой борьбе подвергается в частности и реализм великого художника, его умение правильно, исторически и социально конкретно отображать действительную жизнь. Меж тем Достоевский-которого мы принимаем во всей своей сложности и противоречивости, нам особенно дорог как художник-реалист, как правдивый летописец своего времени. Литературоведы социалистических стран ведут сегодня напряжённую работу, чтобы всё глубже исследовать мировоззренческий и творческий облик великого писателя, выявить до конца объективность исторического содержания его произведений, характер его реализма и объективное значение роли его наследия в общественном и литературном процессе. В этом направлении мы понимаем и свою данную работу, имеющую своей целью показать в какой мере точно Достоевский умел видеть, познать и показать в своих произведениях — как в картинах общей идейной жизни так и в характеристиках своих литературных героев и социальной среды — исторические черты эпохи.

Определение эпохи, к которой принадлежит писатель, и точное определение тех общественных движений и тенденций, которые он отображает в своём мировоззрении и творечестве, явл. одним из центральных вопросов марксистского литературоведческого анализа. Так, на наш взгляд, характеристики в творчестве многих поэтов и литераторов XVIII века как „века Просвещения“ свидетельствуют о глубоком проникновении в историческую правду. Не менее точным и верным оказались

оценки следующей исторической эпохи, эпохи существенных исторических перемен и победы в ряде европейских стран буржуазного строя, как ,,века французской революции". Известна оценка Белинским XIX. века как ,,исторического века", заключающая в себе предчувствие и познание исторического значения, которое приобрело грядущее освободительное и революционное движение демократических масс в годы перед буржуазными революциями 1848 года. Спора нет о конретности и точности в определении содержания и исторических перспектив века, данном в ,,Коммунистическом манифесте" Маркса и Энгельса.

Исходя из этой истины почти все марксистские критики и исследователи Достоевского старались определить сущность его связей с эпохой и её социальными силами и тем самым определить сущность и местонахождения его мировоззрения и его творчества. Они при этом опирались на известные статьи В. И. Ленина о Л. Н. Толстом, которые вот уже более 50 лет являются важной теоретико-методологической основой марксистско-ленинских литературоведческих исследований. Результаты указанных стремлений — противоречивы. С одной стороны были и есть учёные, которые придают большой вес консервативным сторонам в мировоззрении и творчестве Достоевского. С другой стороны всё растущее, теперь уже преобладающее число исследователей и критиков, признавая противоречивость Достоевского, рассматривает борьбу писателя против буружуазности, его мечту о справедливом обществе социального равенства и братства как самый главный момент его творчества.

По разному решается и вопрос, что именно наложило самый главный отпечаток на мировоззрение и творчество писателя: егоразвитие в 40-е годы до 61 года, или же, наоборот, общественные условия после реформы 1861 года. Тем самым создаётся в определённом смысле противоречие между наследием 40-х годов и влиянием буржуазно капиталистической эпохи после 1861 года. Влияние первого противопоставляется влиянию второй. В ходе нашего изложения мы хотели бы высказаться и по этом вопросу.

Ф. М. Достоевский начал своё творчество в средине 40-х годов, в такое время, когда Белинский оказывал самое большое влияние на первую литературную молодёжь. Основные силы прередовой русской литературы /Белинский, Герцен, Островский, Гончаров и др./ в то время были направлены на решение основного противоречия феодального общества, на устранение, на уничтожение крепостничества. Однако внутри феодального строя в это же самое время уже имелись и дальше развивались производительные силы, производственные и людские отношения капитализма. Центром сосредоточения выброшенных за рамки феодальных отношений масс неимущих, бедняков был город. Достоевский стал их певцом.

Начиная с первых шагов писательской деятельности Достоевский выбирает своим предметом не противоречия существующего, феодального общества, как это делали другие писатели натуральной школы, а основной анатагонизм нового складывающегося буржуазно-

капиталистического общества. Он сам в это время как писатель испытывал тяжёлую нужду, и должен был зарабатывать свой хлеб тяжким и рабским трудом. В его окружении, в кругу друзей и знакомых, происходили материальные и социально-психилогические изменения, которые провозвестили социальную перестройку, складывалась новая общест венная структура, сформировались основные классы будущего букжуазного порядка. И писатель воспроизводит их в своих сочинениях в образах и картинах, полных жизнью, как он их видит вокруг себя.

Его первый роман не является плодом литературного влияния — если даже и Бальзака — а плодом наблюдения и осознания самой русской жизни. „Бедные люди" — незывается его первый труд, и писатель называет тем самым демонстративно уже в самом заглавии тот основной вопрос, о котором идёт речь: противоречие между бедностью и богатством.

Осознание этого противоречия определяет не только идею произведения, его сюжет, его основные конфликты, таковые как: произвол Быковых и безвыходную материальную нищету и душевные муки Вареньки Добросёловой, Макара Девушкина, маленьких чиновников Горшкова и Покровского, всех бедных людей.

Писатель и в деталях — в выборе художественных средств, в худож. образах, в сравнениях, эпитетах и т.д. сумел показать основное общественное противоречие.

Подумаем только о письме Девушкина Вареньке от 5. сентября, который выражает, может быть, вершину протеста Макара против несправедливости жизни. В этом письме все поэтические средства направлены на выработку социальных противоречий. Тут во-первых контраст улиц и их жителей. Мрачная, тёмная, мокрая атмосфера охватывает Макара Девушкина на набережной Фонтанки, где он, собственно, хотел отдыхать немного. Сама природа, ранние сумерки, туман, дождь, промокающие людей, мокрый гранит под ногами увеличивают невесёлое, мрачное настроение на этой улице. Высокие, закоптелые чёрные дома возвышаются по сторонам. Это район, где живут Макар и Варенька; здесь живёт и трудится бедный, неимуший Петербург.

„Народу ходила бездна по набережной, и народ-то как нарочно был с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные мужики, курносые бабы-чухонки, в сапогах и простоволосые, артельщики, извозчики, наш брат по какой-нибудь надобности; мальчишки, какой-нибудь слесарский ученик в полосатом халате, испитой, чахлый, с лицом, выкупанном в копчённом масле, с замком в руке; солдат отставной,а в сажень ростом вот какова была публика".

Противоположную картину представляет собой Гороховая, богатая улица, в которой Девушкин не был уже некоторое время и которая поэтому в его глазах тем сильнее и поразительнее отличается от Фонтанки.

Там даже природа — туман, дождь — не властна над людьми, проживающими там. Картины природы в описании Достоевского здесь совершенно отсуствуют. Всё зато залито ярким светом газовых фонарей.

Там лавки, магазины богатые, всё так и блестит и горит, цветы под стёклами. . . Подумаешь, что всё это так, для красы, разложено — так нет же, ведь есть люди, что всё это покупают! Сколько карет. . . Пышные экипажи, стёкла, как зеркало, внутри бархат и шёлк, лакеи дворянские, а внутри дамы сидят, такие разодетые, может быть княжны и графини. . .

Всё это здесь так же глубоко запечатлевается в памяти Макара и образует полную противоположность впечатлениям, полученным на Фонтанке.

Так выясняется намерение писателя: показать, как внутри одного и того же города, разделённые только немногими метрами и минутами противостоят друг другу два лагеря, два класса, два Петербурга: бедных и богатых, один — в темноте, мрачности, нищете, другой — в ярком свете, в достатке, богатстве, радости.

Невольно тут Макару приходит в голову бедная, худенькая, несчастная Варенька. И настоятельно его волнует вопрос о причинах несчастия бедных и счастья богатых: „По искренности, по правде-истине, зачем одному ещё в чреве матери прокаркнула счастье ворона-судьба а другой из воспотательного дома на свет божий выходит? И ведь бывает же так, что счастье-то часто Иванушке -дурачку достаётся. Ты, дескать, Иванушка-дурачок, ройся в мешках дедовских, пей, ешь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся. . . Грешно, маточка, оно грешно этак думать, да тут поневольно как-то грех в душу лезет". /Собр. соч М., 1956, I, 177—78.

Так в сердце забитого, тихого чиновника вызревает бунт, и он ставит под сомнение существующий порядок вещей, и преодолевает представление, будто всё, мол, определяется судьбой и задумывается о виновниках негуманного устройства общества.

Волнующие мысли Девушкина подготавливают знаменатель ную оценку, которая свидетельствует о громадном росте его социаль ного самосознания, о его внутреннем соединении со всеми бедными-людьми, о том, что он, хотя бы на мгновение, именем всех страдающих и жертв отказывается послушаться и повиноваться Быковым.

В своих гневных словах он отрицает существование господ, стирает их, подчёркивает их ненужность и ничтожество:

„А ведь что это за человек, что это за люди, которым сироту оскорбить нипочём! Это какая-то дрянь, а не люди, просто дрянь; так себе, только числятся, а на деле их нет, и в этом я уверен. Вот они каковы эти люди. . .".

Достойно жить и существовать, достойно быть „господами" — только те, кто сами себя кормят" и вот как он продолжает: „По-моему, родная моя, вот тот шарманщик, которого я сегодня в Гороховой встретил, скорее к себе почтение внушит, чем они, он хоть целый день ходит да мается, ждёт залежалого, негодного гроша на пропитание, да зато он сам себе господин, сам себя кормит. . . Он устал, он прозяб, но всё трудится, хоть по-своему, а всё-таки трудится. И много есть честных

людей, маточка, которые хоть немного заработывают по мере и полезности труда своего, но никому не кланяются, ни у кого хлеба не просят. . . /стр. 178/.

Так работа в романе Достоевского стал высшей мерой социальной оценки человека. Существуюущему порядку соиального неравенства противопоставляется. как идеал, состояние общества в котором — все работают и в то же время все равны.

Однако протест и бунт Макара остаются только мгновенными, преходящими, потому что для их осуществления не сзрели ещё условия и необоходимые социальные силы.

Характер Макара со своей гуманной мечтой и своим кратковременным восстанием и своим длительным, перманентным бессилием — с точки зрения реалистической эстетики: типичный характер.

Соотношение общественных сил: бедных людей с одной стороны и всемогущих, с другой, также со всеми подробностями показаны реалистически. Характер и обстоятельства — часть той правды эпохи, которую Достоевский старается познать и изображать в своём романе в письмах.

Как раз идейное содержание и общественный идеал „Бедных людей“ с особой убедительностью свидетельствуют, таким образом, о сильном, решающем влиянии утопического социализма,учения французских и русских утопистов-социалистов на мировоззрение Достоевского того времени.

Мы считаем, что утопический социализм в мировоззрении и творчестве Достоевского и многих других передовых мыслителей России 40-х годов — это не мода, не увлечение французской философией и не слепое ей подражание.

Есть одно интересное место в самом начале книги Фридриха Энгельса „Развитие социализма от утопии к науке“ (1883) ,в котором Энгельс даёт подробный социальный анализ французского общества после революции 1879 года, именно того общества, в котором зародился утопический социализм. Эта характеристика даёт нам возможность к сравнению. И тут оказывается, что то общество Франции в самом начале XIX в. со своими незрелыми еще буружазными отношениями, своими пороками, преступлениями, авантюризмом, своими массами неимущих, нищих — это и есть Россия, русское общество 40-х годов XIX века. То же самое экономически-социольное состояние здесь и там производит здесь и там идеологию утопического социализма. Это вопервых. А во-вторых: Реалистический роман Достоевского „Бедные люди“ служит нам доказательтвом того, что писатель, воодушевлённый идеями утопического социализма, уже в 40-е годы замечает ужасающий рост буржуазно-собственнических отношений, распространение буржуазной философии — индивидуализма, растущее отчуждение, между людьми, рост страданий бедных и неимущих, . . . и именно своим реалистическим романом страстно осуждает это развитие, утверждая уже тогда свой идеал будущего общества людей работающих, равных.

Достоевский тем самым уже в своём первом романе нашёл с в о ю тему, свою оценку жизни глазами нищих, униженных, оскорблённых. Этой теме, этой оценке, и этому своему идеалу будущего общества Дост. всю свою жизнь и во всём своём творчестве остаётся верным, несмотря на все изменения.

Насущными проблемами, связаными с развитием буржуазных отношений являются в то время: рост власти денег, пагубное распространение индивидуализма, появление т.н. „сильной личности" / ницшеанского „сверх-человека"/, отчуждение людей, рост преступлений, переоценка всех ценностей. Все эти проблемы широко обсуждались в европейском теоретическом социализме 40-х годов / у Фурье, Фейербаха, Гегеля, у Маркса и Энгельса и др. Все эти проблемы буржуазного развития с тех пор неизменно определяют сюжетно-тематическую основу творчества Достоевского, и также неизменно оцениваются с позиций утопического социализма — до самых „Братьев Карамазовых". Чтобы убеждаться в этом, читаем вначале письма Достоевского от середины до конца 40-х годов. Там и жалобы на собственное положение раба издателей, на невольный труд писателя, сравниваемый с трудом поденщика . . , там испуг от неравновесия общества, его растущих диссонансов, боязнь перед „безотрадностью" и „безлюдьем" самого оживлённого, самого весёлого и многолюдного города России; и всё снова: насторожённость, перед ростом отчуждения, ростом эгоизма, бессовестности, насилия, преступности. . .

В этой атмосфере созревает план новой повести: „Двойника".

В научной литературе нередко встречается тезис, как будто изображение Достоевским т.н. „сильных людей", т.ет бессовестных дельцов, карьеристов и т.д. означает, якобы, любование Достоевским этими типами. Существует мнение, что Дост. в таких лицах изображает только самого себя, свою собственную душу. На этом основании некоторые старые и новые исследователи установили идейную связь и родство между Достоевским и Ницше, сближение, разумеется, глубоко ошибочное, неверное.

Так и о Голядкине, герое „Двойника", имеется распространённое ещё мнение, будто его психическая болезнь, его помешательство, т.е. появление в его больном воображении двойника, Голядкина младшего, подлого, бессовестного, наглого карьериста и льстеца — это и есть якобы внешнее выражение его внутреннего карьеризма, наполеоновского стремления стать выше других, достичь того, что ему, очевидно, в реальной жизни не суждено. Согласно этому объяснению в душе Голядкина, якобы, одновременно и рядом сосуществуют добро и зло.

Эти интерпретации, на наш взгляд, не очень годятся для объяснения идейной сущности повести о „двойнике". Гораздо ближе к истине ведёт нас мировоззрение Достоевского того времени, его отвращение перед буржуа, перед дельцом, карьеристом, человеком без нравственных убеждений и начал.

Всё в этой повести объясняется общественной реальностью 40.х гг.; столкновение Голядкина-старшего с младшим — это и есть отра-

жение в больной голове героя его ежедневного реального столкновения — в ведомстве, в министерстве, где бы он ни работал — с более ловким, более наглым, более бессовестным соперником и конкурентом, который вытесняет нашего застенчивого, наивного, чувствительного героя и из его служебного места и даже из сердца любимой девушки, Клары Ольсуфьевны. В самой общественной жизни, таким образом, следует искать причины психической болезни и помешательства Голядкина-старшего, появления двойника.

Сам Достоевский, по-моему, совершенно ясно высказался о характере и сущности своего Голядкина-младшего. В дневниковой записи 1860 года — в 83. томе „Литературного наследства“ она публикуется — Достоевский неоднократно подчёркивает самостоятельность и объективность младшего, называя его то „олицетворением подлости“, то „злейшим врагом старшего“! Тут о наполеоновском стремлении старшего Голядкина и речи на может быть. Об объективности основ умопомешательства Голядкина-старшего говорят и его собственные слова, содержащиеся в письме к Вахрамееву в конце IX. главы повести. Там мы читаем о том, что „даже честные люди, . . . одарённые прямым и открытым характером, отступают от интересов благородных людей и прилепляются к. . . зловредной тле, к насчастию в наше тяжёлое и безнравственное время расплодившейся сильно и крайне неблагонамеренно“.!

Это и есть картина русского общества 40-х годов, которую Достоевский с его социально-психологической стороны рисует как гуманист и как гениальный мастерский реалистический художник метко и правдиво.

В других произведениях 40-х годов Дост. продолжает вести борьбу с надвигающимся злом буружазного общества, с его пороками, антигуманными последствиями.

Примером тому являются и „Господин Прохарчин“ /1846/ и повесть „И ёлка и свадьба“ (1848), в которой нечистые сделки и союз интересов между старой аристократией и новой буржуазией писателем выставлены на показ в качестве страстного обвинительного акта.

Тюрьма, ссылка и наступление нового времени после реформы 1861 года не ослабляли внимания Достоевского к тем основным вопросам общественного движения. которые волновали его уже в 40-те годы. Напротив, те пагубные, антигуманные проявления буржуазного развития, которые он настороженно наблюдал в русском обществе 40-х годов и которые он хотел отвергнуть от России своими страстными разоблачениями, — эти самые явления развернулись после реформы в полную мощь.

Реформа 1861 года убрала все прежние препятствия с пути буржуазного развития. Индивидуализм стал всеобщей и господствующей философией, проникая территориально во все концы российской империи, включая провинцию и деревню, увлекая и заражая многих и могих людей /богатых и бедных/ в надежде наживы, обогащения, достижения большей власти.

В России росст капиталистических отношений после 1861 года принимал крайне катастрофические формы. В небывалых размерах росли социальные противоречия, обнищание широких народных масс, страдание детей, проституция, преступления; и это особенно в городах, в Петербурге.

Эта эпоха находит в Достоевском своего гениального ходожественного выразителя, страстного разобличителя. Глубоко проникает он во внешние социальные связи явлений, закономерный экономический характер которых он не понимает и не угадает; верно и с позиции истинного демократического гуманизма он видит и показывает философские и социально-психологические движущие силы общества, обуславливающие страдания невинных, униженных и оскорблённых.

Достоевский после 1861 г. вовсе не отказался от т.н. ,,наследия 40-х годов", от Фурье, Белинского, Петрашевского, от утопического социализма. Конечно произошли громадные изменения в мировоззрении Достоевского, обусловленные его переживаниями во время заточения и ссылки, его раздумьями о судьбах России, русского народа. . .

Конечно наложили и условия новой эпохи после 1861 г. свой глубокий отпечаток в систему социальных и философских воззрений Достоевского. Но всё это не поколебало писателя в главном: в его твёрдой, именно непоколебимой вере его убеждённости — даже если на это почти не осталось надежды — в идеал и в возможность лучшего, справедливого, гуманного общества людей. Эта убеждённость гуманиста осталась незыблемой до конца ещё и потому, что их объективные основы и предпосылки не устранялись ни в 70-е ни в 80-е годы. Напротив, окрепли буржуазные отношения, росли и муки и страдания многомиллионных масс, которые продолжали мечтать о лучшей жизни. Их певцом Достоевский остаётся в и своих зрелых романах 60—80-х годов.

Пусть некоторые добавочные детали из поздних романов Достоевского подкрепляют нашу мысль:

Социальные характеристики, образы героев, оценки эпохи остаются в поздних романах Достоевского точными, конкретными, реалистическими.

У многих бужуазных исследователей Достоевского, — начиная с Мережковского, Соловьёва — мы встречаем мнение, будто романы писателя, его образы лишены социальной конкретности, что они не имеют, якобы, ничего общего с реальностью общественной жизни, а взяты из иного мира. Ни в коем случае это так. Факты этого не подтверждают. Основа и объективный предмет произведений Достоевского — реальная общественная жизнь его времени.

Одна из существенных сторон реализма Достоевского как раз и состоит в конкретности, социально-исторической точности, его художественного видения. Посмотрим, как это выглядит в романах Достоевского 60—70-х годов. Состояние общества, облик классов и слоёв, которые мы встречаем в описаниях и характерах ,,Преступления и наказания" (1866) ярко и убедительно показывают нам те большие социальные изменения, которые произошли в России после реформы. Всё тут

конкретно: „цеховое и ремесленное население“, которое определяет общую картину района вокруг „Сенного рынка“; появление и ростовщика процентщицы (Алёны Ивановны) и опытного в делах“, „практически настроенного“ деятеля, (Лужина), у которого уже накопился собственный капитал и который разделяет взгляды младшего, более наглого поколения; и вообще распространение „практического духа“, бессовестности, жажды наживы, заразивших людей и ставших модой нового времени: По сравнению с повестями 40-50-х годов в романе Достоевского совершенно новую роль играет преступление. Преступление и преступник, образцы человеческого поведения, основанного на потере нравственного начала, конечно, встречаются в творчестве Достоевского уже и раньше, напр. в образах Голядкина младшего /„Двойник“/ и Прохарчина /„Господин Прохарчин“/. В образах Газина, Орлова /„Записки из мёртвого дома“ /Достоевский изображает типы сознательных преступников, нагло самоуверенных, вызывающе подчёркивающих свое „превосходство“ над другими людьми. Но на фоне в основном ещё здорового, целого общественного состояния всё это были исключениями.

В „Престулении и наказании“ изоб ражаемая пореформенная действительность подсказала писателю новое решение. Преступление впервые выступает в роли сим вола большой обобщающей силы, сигнализирующего как бы нормальное, ежедневное, обыденное состояние общества нового времени. Отсюда оно принимает на себя новую художественную функцию, становится своего рода двигателем всей сюжетной канвы, всего действия романа. Оно и пружина завязки и развязка взаимодействия характеров. В значительной мере возросла его значение для идейного содержания романа.

Начиная с „Преступления и наказания“ как новое художественное средство в поздних романах Достоевского появляется также веский теоретический, философский трактат, рассуждение, через которые даётся обобщающая философская, социально-экономическая, социально- психологическая оценка эпохи. Трактат этот даётся чаще всего с меняющихся точек зрения отдельных лиц, продемонстрирующий тем самым в свою очередь полифоннный, многузвучный характер художественной манеры Достоевского. В романе „Преступление и наказание“ известные мысли Раскольникова, изложенные в его статье „О преступлении“ — мысли говорящие о существовании двух классов в современном буржуазном обществе: обыкновенных людей, тварей дрожащих и тех, кому „всё позволено“ — варьируется не только в устных изложениях самого Раскольникова Разумихину, Соне и Порфирию Петровичу, но и в ответной аргументации последнего и т.д.

Ещё один шаг вперёд в буружуазном развитии русского общества Достоевский улавливает в „Идиоте“ /1868/. Дальше изменяется общая сцена действия. На крупном переднем плане теперь торжествующие Епанчины, Тоцкие, младшие Иволгины, Птицины, Рогожины. Они стали главными деятелями, индивидуалистическое общество, основываю щееся на капитале личной власти, стало господствующим.

Ещё в более широких масштабах, чем в „Раскольникове", в „Идиоте" всё вертитится вукруг денег. Как заражёные, большинство героев романа только и живут ради денег. Деньги направляют действия и решения людей, определяют человеческие судьбы: всё стало продажным, всё за деньги можно купить: и красоту, и честь. Капитал — мера всех вещей. Помним хотя бы сцену в день рождения Настасьи Филиповны в конце I. части „Идиота", в которой Геня Иволгин должен решить, поженится ли он, наконец, на Настасье или нет. Врывается Рогожин, чтобы отбить у Гани невесту. Рогожин не сомневается в своей удаче. И он и Настасьа Филиповна уверены, что Ганя за 3 рубля доползёт до Васильевского острова. Так Рогожин ему предлагет 100 рублей, затем 1000, а потом даже 3000. Ганя в свою очередь ото всего отказывается, потому что он надеется на приданое Настасьи Филиповны, дающее ему возможность обогатеть разом, стать королём Йудейским. Настасью Рогожин хочет купить за 100 000 рубл. Так деньги двигают все действие, управляют людьми как марьонетками!

Коля Иволгин так объясняет кн. Мышкину это страшное явление: „В Москве один отец уговаривал сына ни перед чем не отступать для добывания денег". Так все живут по правилу: „Всё позволено!"

Исторически и социально конкретно нарисованы разные представители имущего класса: Рогожин со своей отвратительной рогожинской жизнью, которая дублируется в портрете отца и в облике рогожинского дома, Епанчин, Тоцкий, Ганя Иволгин. . . Они показывают не только внешнюю пестроту и многообразие собственнического мира, но в то же время олицетворяют и разные исторические степени развития капитала, новых типов стяжателей нового исторического момента.

И в „Идиоте" Достоевский рисует выразительные характеристики эпохи; они даны от лица и Коли Иволгина /. . .„Только немногие честные люди остались, . . . редко кого можно уважать от всего сердца, . . . все как-то стали авантюристами в нашей любимой России. . ."/, и Настасьи Филипповны, характеризующей современное общество как „общество камелий, генералов и ростовщиков", и других персонажей.

Когда мы внимательно вчитываемся в роман „Братья Карамазовы", мы найдём эту же самую историческую конкретность и точность в изображении социальной структуры общества, социальной природы характеров и героев, как и в предыдущих романах.

Сюжетная основа „Братьев Карамазовых" воспроизодит и на этот раз новые сдвиги в развитии буржуазных отношений: перемещение действия в провинциальный городок и в самую деревню говорит о новых „успехах" собственнического духа, а сосредоточение конфликтов в рамки одной семьи о том, что самое первичное, самое твёрдое ядро, самая элементарная клетка общества также уже наизлечимо заражена болезнью века!

Конкретные характеристики лиц спекулянтов и купцов — отчаянных и неугомонных дельцов, всех этих Карамазовых, Самсонов, „Лягавых" /Горсткиных/ и многих других — образуют выразительную галерею социальных типов.

Теоретические и философские трактаты, содержащие оценки эпохи, в романе ,,Братья Карамазовы" по сравнению с предыдущими романами достигли чрезвычайно большого обьёма и приняли на себя важную идейную и эстетическую функцию. Сюда относятся диспуты спорящих сторон в монастыре, статья Ивана о церковных судах, разговоры Ивана с Алёшей, ,,Легенда о великом инквизиторе", разговор Ивана с чёртом, речи, произнесённые перед судом и мн. другое.

Можно сказать, что в контексте точных и исторически-верных социально-общественных определений романа и ,,Легенда о великом инквизиторе", одно из наиболее спорных произведений Достоевского приобретает яркое социально-критическое звучание, совершенно идентичное с основным антибуржуазным и гуманистическим направлением всего творчества Достоевского.

Если на миг всё это упустить: неприязнь Достоевского к западу, католицизму, господство великого инквизитора представляется как завершение эпохи разъединения людей, как господство крайнего, преступного индивидуализма, по слоавм Алёши Карамазова: ,,жажда власти жажда к приобретению мирских, материальных благ, к порабощению людей."

Конкретной социальной и философской писательской характеристикой не подтверждаются и попытки, представить Ивана Карамазова, автора ,,Легенди" в виде вольнодумца и социалиста. Иван, проповедующий теорию ,,всё позволено", обнажает себя именно как идеолог презрения человека, преступного покушения на собственного отца. Вот что Смердяков, убийца ради обогащения, говорит о нём: ,,Умны вы очень — с. Деньги любите, это я знаю-с, почёт тоже любите, потому что очень горды, прелесть женскую чрезмерно любите, а пуще всего в покойном довольстве жить и чтобы никому не кланяться — это пуще всего-с. . . . Вы как Фёдор Павлович, наиболее-с, изо всех детей наиболее на него похоже вышли, с одною с ним душою-с". /X, 157/.

Две стороны, два аспекта мы старались показать в раннем творчестве и в зрелых романах Достоевского. Вот эти два аспекта:

1. удивительное конкретно-историческое, правдивое видение и следовательно художественное изображение отдельных экономических, социально-философских и социально-психологических явлений, социальных типов и типов общественного поведения /с одной стороны/.
2. оценки и философские обобщения, проникнутые стремлением писателя вникнуть в смысл происходящих перед его глазами событий,

   вникнуть в смысл закономерностей эпохи,
   понять последствия событий для судеб человека, для судеб России, с другой.

Любовь к униженным и оскроблённым, к невиным и страдающим жертвам бурж. отношений легла в основу беспощадного реализма по отношению к хозяевам жизни, виновникам страданий.

Но также известно, что Достоевский не разгадал и не понял настоящих и в частности экономических закономерностей, определявших развитие общества и его время. Он видел причины всё усливающего антигуманного вырождения общества в успехах индивидуализма, философии разъединения, в наглом и всеобщем прославлении насилия, наживы, эгоизма.

Поэтому писатель во имя страдающего человечества вёл отчаяную борьбу с этой философией разъединения и эгоизма, считая религию единственной силой, способной спасти человечества. Именно с ней он связывал свои надежды на возрождение, на конечную победу и торжество человечности, счастья всех людей.

Этот вывод следует понять как выражение идеологии тех незрелых ещё масс униженных и оскроблённых, как выражение их несозревшего самосознания.

А всё творчество великого писатели дышит духом самого критического, разоблачающего реализма также именно благодаря тому, что он взялся защищать своим искусством интересы этих бедных людей.

Анализ творчества Д-ого убедительно показывает о б ъ е к т и в н о с т ь и историческую конкретность общественного содержания его про изведений.

Именно став защтитником страдающих от капиталистического развития народных масс, Достоевский стал непревзойдённым реалистом, беспощадным критиком собственнического общества своего времени и верным летописцем эпохи.

Д-р Димитар Бошков

ПО ДРУГА СИНУСОИДА

Романот „Брег“ од Јуриј Бондарев е едно од најинтересните остварувања на советската проза во последново десетлетие. Тој и се појави како посебност, како литературна актрекција: истовремено се објавуваше во две списанија, веднаш потоа /1975/ излезе како одделно издание, а сега можевме да го видиме повторно издаден заедно со повеста „Батаљоните молат за оѓин“.

Како ретко кое дело романот го привлече вниманието на литературната јавност во Советскиот Сојуз. За него е многу зборувано, пишувано и полемизирано. Нему му беше посветена и една посебна дискусија на истакнати литературни критичари во редакцијата на списанието „Вопросы литературы“ која обично се организира за поважни и јазлови прашања од литературниот живот. Изнесени се спротивни ставови и мислења но сите се согласни дека „Брегот“ на Јуриј Бондарев е висок уметнички дострел поточно — висок дострел на уметничкото, поетското сознание, дека се во него поставени егзистенцијални прашања на човекот и на човештвото и дека е на нив погледнато од еден нов и досега малку познат аспект во советската литература.

Јуриј Васиљевич Бондарев роден 1924 година припаѓа на онаа генерација советски писатели кои на свој грб ја изнесоа големата војна и чиј естетски и општествен идеал се формира во необично тешките и сурови услови на воената катаклизма. На нашата читателска публика Бондарев ѝ е познат по романот „Тишина“ што пред дваесетина години во продолженија го објавуваше „Борба“ а во кој, преку конфликтите на еден демобилисан млад офицер, во многу заострена форма е прикажана борбата против култот на личноста како составен дел и како своевидно продолжување на војната.

По војната Јуриј Бондарев студира во институот за литература а неговиот прозен деби, расказот „По пат“ /„В пути/ е објавен 1949 година. 1953 ја објавува првата збирка раскази „На големата река“ („На большой реке“/ во кои доминираат доживувања од војната. На војната е посветена и повеста „Младоста на командирите“ / „Юность командиров“/ /1956/ од животот на курсистите во една школа за артилеристи. /Да споменеме дека Бондарев како командир на една артилериска единица го минува фронтот од Сталинград до Чехословачка/. Потоа сле-

дат големите повести „Батаљоните молат за огин" /„Батальоны просят огня"/ и „Последните залпови" /„Последние залпы"/ како и веќе споменатиот роман „Тишина" /„Тишина"/. За романот „Врућ снег" /„Горячий снег"/ може да се прочита мислење дека претставува своевидно „истражување на херојството".

Враќајќи се на последниот роман треба да кажеме дека веќе самиот наслов крие во себе една примамлива многузначајност: БРЕГ — што е тоа? Какви асоцијации разубавува? Дали е тоа брегот од кој човекот се откинува кога запливува во водите на животот, дали е то крајната цел, тивкиот пристан кон кој е устремен неговиот напор, дали се тоа детерминантите што го ограничуваат неговиот животен полет? Или пак насловот на романот се однесува на современата ситуација во светот која на свој начин го поставува човекот помеѓу „брегови" од кои заночнува, кон кои се устремува и во кои завршува неговата животна игра?. Толку многу брегови стојат пред човекот — едни што го привлекуваат, други што го заплашуваат — може ли тој да избира меѓу нив? Слободен ли е да избира и дали воопшто може да дојде до некаков брег, до некаков крај, кој да го осмисли неговиот животен пат, да го оправда неговото постоење? — Сите овие прашања — што само ги асоцира насловот — авторот ги поставил во основата на своите размислувања и на својата авторска порака.

Во романот е присутно интересно настојување на авторот да обедини различни животни свери: минатото и сегашноста, војната и мирната современост, личноста и општеството, човекот и фамилијата, моралот и идеологиите, особено последните што го потресуваат денес светот. Преку една мала љубовна епизода од крајот на војната, — средба на советски војник со млада Германка во едно од предградијата на Берлин — авторот успева да ја насети и осознае големата и непремостива подвоеност на современото човештво, да ги согледа бреговите на страшната провалија што го разединува. Во страотниот хаос на војната оваа епизода се доживува како победа на човечкото над злото што војната го донела, што му го наметнала на човекот задушувајќи го човечкото во него. Дваесет и пет години подоцна, кога овие романтичари од последните деониви на војната повторно ќе се сретнат во Хамбург, во своите сеќавања истата епизода ќе ја доживеат како трагично сознание за немоќта и бесилието на човекот да му се спротивстави и да го сопре фаталниот од на настаните во еден непожелен правец. Ќе се роди сознанието дека тие двајцата во временскиот интервал меѓу двете средби „како да живееле на две различни планети кои случајно се сретнале во моментот на нивниот непријателски судир, во еден илјадит дел од секундата, веројатно среќно, како што тоа обично бива во младоста — и со страотни разрушувања планетите пак се одбиле, се разишле, кружејќи во спротивни правци на галаксијата по веќе установените патеки. Потоа е на на секоја планета востановено несоодветно време, различно броење на годините, различни светли и црни денови, и исто така по нешто различни страдања, неволји, љубов како и сопствени законитости на кои им се потчинуваат луѓето".

И тој, некогашниот лејтнант од армијата победница, сознава дека во текот на изминатите години живеел со закономерностите на својата планета, потиснувајќи ја во заборав огноносната искра од сред бата помеѓу него и неа.

Но лејтнантот сега не е лејтнант и неговиот престој во Хамбург нема военен туку литературно-културен карактер. Тој е познат советски писател — Вадим Никитин — чии дела се издадени од една хамбуршка издавачка куќа. И младата Германка од малото предградие на Берлин не е само милата Ема туку фрау Херберт, богата сопственичка на неколку книжни магазини, која по сликата во книгата го препознава својот некогашен ,,принц од бајка" и во својство претседател на друштвото на љубители на литературата го поканува авторот да гостува кај нив. Не слутејќи ништо Никитин ја прифаќа поканата, доаѓа во Хамбург со еден свој придружник, каде во еден временски теснец од само неколку дена епски широко ќе го доживее не само она што некога го сврзало со гостољубивата домаќинка и што како трајна и светла нитка се провлекувало низ годините после војната, туку и сиот свој изминат живот кој на фонот на овие сеќавања за Ема, придобива нови значења и димензии. И судбината на човештвото, неговите светли перспективи во кои Никитин искрено верувал, ќе му се сторат сега крефки и неотпорни, постојано изложени на опасности врз кои човекот не може да има никакво влијание.

Во структурата на делото Бондарев ќе го вгради едно свое виду вање на современиот свет, видување кое само по себе претставува неоспорна новина во советската литература: светот се држи врз една рамно тежа на злото, што е составен дел на секојдневниот живот на сите меридијани во светот. Својот јунак Никитин, веднаш по неговото пристигнување во Хамбург, авторот ќе го прошета по улиците со ,,црвени фенери" и ќе дозволи да биде опљачкан во еден од многуте локали со стриптиз. Во златното време на Западот авторот ќе го пронајде и покаже слабото место во животот кое не може да се прикрие со светлите реклами,реките од коли и сјајот на високиот стандард. Едно зло кое не треба да се бара, кое само се покажува и се нуди да биде прифатено како посластица, како десерт на животот. Меѓутоа, авторот не може да ги затвори очите ни пред злото кај себе дома: враќајќи се од оваа прошетка во хотелот Никитин во мислите ќе се пренесе во Москва во оние за него полетни и радосни години, поточно во денот кога го прима првиот хонорар за својот објавен расказ и во онаа ноќ што уследува во која е тој претепан од силеџии и онеправдан и навреден од полицијата која недозволиво рамнодушно се однесува кон неговиот бол и нанесената неправда.

Оваа рамнотежа во распоредот на елементите во делото добива едно пошироко, скоро универзално значење: од рамнотежа на злото таа прераснува и во рамнотежа на доброто и злото, — во универзална формула која овозможува да се сфати, да се разбере и да се одгонетне тајната на светот и тајната на животот. Авторот како да се доближува до Хегеловата формула — сè што е реално е разумно и сè што е разум-

но е реално — што е не толку појдовна основа за едно примирување со нештата и појавите колку што води кон едно бескрајно широко и неопределено восприемање кое неизбежно води во агностицизам.

Животот е универзален во неговата за човековиот разум неопфатна широчина. Во себе тој го внедрува и доброто и злото, и творечкото и разрушувачкото начало, и она што обединува и она што разединува — сето тоа природата го обединила во неделива целина, сето тоа е објективно присутно, па според тоа е и разумно и никој не треба, не смее и нема право да ја нарушува оваа хармонија на спротивностите, целината на животот. Не само светот на човековото општество, туку и целата природа, вклучувајќи го и космосот и бескрајот на галаксијата се изградени и се потпираат врз еден цврст сплет на спротивности кои го држат и ја обезбедуваат неговата сигурност. Во своите размислувања јунакот на романот доживува бескрајна, исцрпувачка радост од новоосвоеното сознание, радост на новороден кој ги открива „минутите на реалноста и преку нив — вечниот свет на тајната, убавината и страдањето".

Неговото сеќавање забрзано и неуморно работи прелистувајќи ги страниците на личниот животопис: ужасите на војната, светлиот спомен од средбата со Ема во малото предградие на разрушениот Берлин, напорните години после војната, успехот во писателската кариера, женидбата, раѓањето на синот и неговата рана смрт — колку може да му пружи краткиот живот на човекот? А во овој краток живот тој треба да го осмисли и мигот на своето живеење и важноста на постоењето на кое неговиот миг се надоврщува како ситна алка додадена на еден бескраен синџир. Никитин настојува да пронајде цврста точка врз која ќеможе да застане и да погледне на смислата и вредноста на својата животна алка. Тој се устремува кон вистината, чувствувајќи дека е таа некаде близу до него, но, како што самиот признава, „почуствувал само момент од вистината". Тој е неуморен во настојувањето да дојде до суштината на појавите. Но краткиот живот нуди премногу впечатоци за да може разумот да ги обработи, да ги среди и да најде свои јасни, разумски објаснувања. Останува нешто зад дострелот на разумот, нешто што Никитин повеќе го чувствува отколку што го сфаќа. Но и тој остаток исплива во неговото сваќање како доживеана животна реалност. Иако мистична, таа е реална, а според Хегел, таа е и разумна иако мистиката стои вон од пределот на разумното. Како да се затвора некој круг на сознанието. Смртта на шестгодишниот син — неговото единствено дете — како сосема да ја разнишува стабилноста на вистината. Размислувајќи за тие мачни денови тој се сеќава на фразата што тогаш, веројатно за утеха, му ја рекол некој пријател: „кога ќе умреме ние ќе одиме, ќе се движиме еден покрај друг со живите, но без да ги познаваме, без да се гледаме едни со други — ќе се движиме по една друга синусоида на времето".

Во своите статии за руските класици од 19 век, зборувајќи за човековите страсти кои, според Бондарев, ја создале и се афирмирале самите преку уметноста тој вели дека дваесеттиот век го најавил и го афир-

мирал човекот во историјата кој упорно размислува над смислата на животот и социјалната преобразба на општеството. Никитин од „Брег“ е неоспорно човекот од дваесеттиот век кој не само што размислува, но и ја бара вистината во секојдневниот судир со искушенијата на животот. Барајќи решенија на бројните животни дилеми тој како да се доближува до саканата цел и — тогаш умира. Умира во авионот летајќи обратно за Москва. Неговите последни мисли како да ја освојуваат вистината:

„Некој рекол дека човек може да биде среќен само тогаш кога ќе стане бесмртен? Но каква е смислата на ова? — ги препознава Никитин последните траги од своите размислувања. — Да се познае големата тајна на животот и смртта — но како да се познае? Тоа значи да се најде невозможното, последното . . . да се исцрпат до дно сите страдања, сомневања, барања, борби и да ги лишиш луѓето од самата смисла на животот, а тоа значи — и од проодната радост на преодолувањето. Да, да, во тоа е неоспорната суштина — продолжува да работи мислата на Никитин. — Одземи им го овој импулс — и луѓето ќе се претворат во мравки и ќе ја проколнат својата бесмртност. А може би смртта е највисоко познание на последната вистинаI Каква позната мислаI . . . Чија мисла? — се прашува Никитин во претсмртната агонија — Но, не е ли сѐедно. . . Не, човекот е наполно среќен тогаш, кога ја овладува непостижната тајна, — кога престанува да се плаши од смртта? И тогаш тој не мисли за проживеаниот живот и не мисли што е тоа среќа“.

Смртта на главната личност на делото, колку и да е таа случајна и неочекувана, а може би тому затоа што е таква, претставува силно уметничко средство. Таа не ги решава проблемите, туку само ги заострува, ги просејува и ги издвојува од пропратниот банален материјал во делото, создавајќи можност за согледување нови димензии, нови аспекти на авторовата концепција. Таков е случајот и со смртта на Никитин. Зашто умира тој? Медицински смртта на Никитин е подготвена со сиот престој во Хамбург. Неговиот сопатник повеќе пати и во повеќе ситуации го истакнува слабото срце на гостинот и потребата од одмор. Меѓутоа, дали е тоа доволно? Се поставува прашањето: зошто би му било во тој случај на авторот потребно во едно така сериозно дело за централна личност да постави човек кој е физички немоќен да го доведе до крај патот што го заочнал? Смртта на Никитин има секако далеку подлабоки мотиви. Слабоста на срцето е само покритие за вистинската мотивација. Како што веќе рековме: смртта на главната личност е секако функционално вклопена во општата филозофска и животна концепција на авторот. Никитин е пред се човекот на дваесеттиот век, за кој толку многу размислува авторот, човекот кој „во практичната дејност на личноста и класите“, како што вели тој, треба да го расплете јазелот на горливите проблеми на егзистенцијата што се заврзувал низ вековите на историскиот развиток на светот. А може ли тоа да го постигне овој човек? Не е ли тој, како и Никитин во романот на Бондарев, премногу изморен од темпото, од динамиката на веков? И не само од тоа. Не изморува ли и релативноста на вредностите што се издигнаа

во него, неговиот практичен материјализам кој ги потиснува до заборав сите духовни вредности на постоењето и пред сè неговите чудовшни заблуди во кои е вовлечен човекот и кои — постепено но исгурно — го водат човештвото во ќорсокак. Никитин доаѓа до сознанието за единственоста на светот, за неговата неделивост. Тој, како што вели на едно место, до опипливост реално го чувствува постоењетои на космосот. Но каде и како може ова сознание да воспостави контакт со светов во кој Никитин живее, како може да се вклопи во него? А без овој контак — може ли да се живее, има ли резон да се живее? Како што правилно забележува еден критичар Никитин е „изморен и растрган од оние 'брегови', што тој, секако, сакаше да ги зближи", и очигледно не бил во состојба за таков подвиг — ќе додадеме ние.

Романот „Брег" е неоспорна новина во оовремената советска литература. Со него Јуриј Бондарев се приближува до не малиот број современици — Василиј Шушкин, Валентин Распутин, Васил Биков, Виктор Астафјев, Владимир Богомолов и др. — во творештвото на кои незадржливо се изразува една духовна потреба од отфрлање секаков вид канонско размислување, потреба од широко осмислување на човекот во сета многустраност на неговиот однос кон светот. Тоа е стремеж, како што во врска со „Брег" вели еден друг критичар, „да се свртуваме кон кругот претежно филозофски прашања на начин на кој не сме свикнале во нашите романи, стремеж да се мисли, ако не со општи човечки категории, тогаш барем не со праволиниско-социјални, стремеж да се издигнеме над еднодимензијалните, површни одговори"

Т. Белчев

ПОГЛЕД ВРЗ ТВОРЕШТВОТО НА ВЛАДИСЛАВ БРОЊЕВСКИ (1898 — 1962)

На групата „Скамандер", со своето литературно списание кое го носи нејзиното име ѝ претходеа уште две литературни списанија: Pro arte et studio и Pro arte (1916—1919)[1]. А списанието „Скамандер" беше чиста континуација на спомнативе претходни описанија и излегуваше од 1920—1928 и 1935—1939 год. На чело на оваа литературна група и нејзините списанија стоеше Јулјан Тувим (18 94—1953).

Оваа варшавска група позната како „Скамандер" своето име го позајмила од книгата „Акрополис" на Ст. Виспјањски[1]

Втора личност во „Скамандер" се смета Владислав Броњевски (1897—1962), кому, покрај Јулјан Тувим, му се припишуваат заслуги за враќањето кон класичната култура и посебно кон револуционерните елементи, прифатени како извонредно средство за зближување на поетите кон широките читачки кругови.

Овој период на „Скамандер" наречен „дваесетите меѓувоени години" (1919—1939) до денес остануваат непотполно обработени и особено големи вакууми се чувствуваат во поезијата од тој период, што значи кај „скамандристите".

Посебното место во оваа група поети што му припаѓа на Броњевски го документира неговата „Балада за театарскиот плоштад" (1931). Во неа поетот го откривамe како голем патриот кој се исправил гради со гради пред полската санација. Тој тука испакнува со одликите на национално-романтичарските традиции и неговиот општествено-историски и филозофски однос воопшто на литературно-поетски план.

Оваа балада беше напишана во времето кога полската санација се обидуваше да ги зацврсти своите позиции во полското општество. Поетот како наполно зрел литератор и одговорен за својата уметност се обраќа имено кон оние фрагменти од романтичарската идеологија коишто му конвенираа на овој „литературен болшевик", определувајќи се на страната на Јулјан Тувим и безрезервно своето перо ќе го стави во служба на најпрогресивните слоеви на тоа општество — работничката класа и борбената интелигенција.

---

[1]) Јулјан Кшижановски Dzieje literatury polskiej, Варшава 1959 год. стр. 555).

А. Сандауер, зборувајќи за оваа балада, вели дека поетот се обраќа кон револуционерно романтичарската идеологија со конкретна цел за да ја исползува како класово оружје[2].

Групата „Скамандер“ ги прими како наследство и идеите на најпрогресивните неоромантичари. На „скамандристите“ во меѓувоените дваесет години им претходеа низа тенденции со навраќање кон класицизмот. Така краковското списание „Museion“ ја објавува втората книга „Енеида“ со успешен превод во октава. Љвовското списание „Lamus“ уште пред тоа имаше започнато да го објавува преводот на „Илијада“ на дијалектот на Подхале. Во тој период излезе и книгата од Леополд Стаф (1878—1957) под наслов „Лебед и лира“ (1914). Во истиот правец се стремеше и творештвото на Тадеуш Желињски — Бој (1859—1944). Сите овие литературни настани беа причина добар дел од членовите на „Скамандер“ да се определат за традиционалното во литературата, што е евидентно и во поезијата на групата која што ги читаше своите песни во варшавската кафеана Pod Pikadorem, каде што се учеа да ја усовршуваат мелодичната страна на поезијата и нејзината форма[3].

Штом ги спомнуваме овие работи што влијаеја за дооформувањето на групата „Скамандер“, која зазема едно од најпочитаните места во најновата историја на полската литература, не можеме да не ги наведеме и другите струења во тој период, за кои беа отворени вратите на овој литературен сојуз на младите поети во слободна Полска. На мисла ги имам пред сè експресионистите и футуристите не само во Варшава туку и во други градови на Полска. Така познањскиот експресионизам не се здоби со признателност и остана речиси незабележан во историјата на полската литература.

Истата судбина ја дочекаа и краковските футуристи со своите песни во Jednodniuwka futurystuf (1921) и Nuz w bzuchu (1922). Сите учесници на овој футуризам минаа незабележани од историјата[4].

Творечкиот пат по кој се развиваше Броњевски, иако имаше незначајни зигзаци и, најизразито се обособува од сите останати членови на „Скамандер“. Тој стигнува до неочекувана мерка на прогресивен, определен како „литературен болшевик“ — поет.

Немаме основа да не се согласиме со Ришард Матушевски кој пишува дека значењето на Броњевски во историјата на полската поезија се зближува со многу околности до значењето што го има творештвото на Мајаковски во советската поезија. Тој е прв поет во Полска кој главна содржина на своите песни ја направи борбата за социјализам. Тој за оваа револуционерна содржиа создаде посебна национална форма сврзана со големите традиции на полската поезја[5].

---

[2] A. Sandauer, Poeci trzech pokoleń, Варшава 1962 год. стр. 104.

[3]) J. Кжижановски, Dsieje literatury polskiej, Варшава, 1959 год. стр. 556.

[4]) Јуљан Книжановски, Drieje literatury polskiej, Варшава, 1959 год. стр. 555.

[5]) Ришард Матушевски, Историја на полската литература, I тетрадка Жеромски — С аф — Тувим — Налковска — Домбровска — Броњевски, Варшава 1955 год. стр. 142.

Поезијата на овој поет-великан е дел од историјата на полското работничко движење. Броњевски на повикот на Полската комунистичка партија: „Империјалистичката војна да ја претвориме во граѓанска, то ест да се обрнат пушките против домашната буржоазија!“ — го издигна својот глас високо и смело во песната „На штик“, всушност тоа беше оној момент кога германските фашисти ја нападнаа Полска. Песната истовремено означуваше одглас на лозунгот на *Полската комунистичка* партија: „Да ја заштитиме татковината!“

Штом дојдат да ти го потпалат домот
во кој што ти живееш — Полска (. . .)
— Ти од сон крени лик
застани пред прагот
на штик!
Бара крв овој враг. (. . .)

Поетот знае дека во неговата таковина има многу неправдив и навредени луѓе, но тој е длабоко уверен дека кога станува збор за честа на татковината, први ќе тргнат навредените против фашистите и ќе се исправат гради со гради пред нив.

* * *

Броњевски се родил во Плоцк. Уште како дете останал сирак по татко. Мајката на поетот со три мали деца морала некако да живее. Идниот поет пораснал во средина полна со патриотска атмосфера. Уште од најмлади години (14 годишен) работел конспиративно во редовите на борбената полска младина. Од царската полиција бил затворен за нелегална работа меѓу учениците. Во 1915 год. стапува во редовите на полските легиони на Пилсудски. По завршувањето на Првата светска војна учествувал во војната против Советскиот Сојуз. Од војската се демобилизирал со чин капетан, а бил награден со крст за заслуга „Виртути милитари“ и троен „Борбен крст“. Сепак Броњевски не станал жртва на политиката на Пилсудски. Уште како војник на фронтот против Советскиот Сојуз започнал да навлегува во тајните на подлата политика на Пилсудски. Во песната Moja biblioteka (1949) меѓу другото си го спомнува и времето кога имал 19—20 години и како потпоручник на фронтот читал книги од Ленин.

Патот на поетот во животот нема да има ништо општо со оние години на политичка заблуда во војната против Советскиот Сојуз. Поетот сам си признава дека тоа биле луди години. Тој ги споредува нив со слепо кученце, кога в место неговиот глас зборувала пушката (Manlicher).

Првите творби поетот ги објавил во 1924 год. Тука спаѓаат песните: Młodość, Solda enconiu, Ostatnia wojna во кои оддалеку се чувствува противвоеното настроение. Поетот ја прифаќа во нив мислата на Ленин која гласи: „Империјалистичката војна да се претвори во граѓанска“.

Само една година покасно тој заедно со поетите Ст. Р. Станде и В. Вандурски ја издава книгата поезија под наслов Trzy salwi која претставуваше еден вид борбен манифест на младите творци. Нив ги поврзувала општата идеја и смелиот дух во борбата за нов поредок, нова Полска, која ќе му припаѓа пред сè на работниот народ. Во истата 1925 год. Броњевски ја издава својата збирка поезија под наслов Wiatraki. И оваа книга е базирана на здрава револуционерна основа. Тој истовремено соработува во револуционерните списанија што излегуваа под тешки услови, бидејќи беа преследувани од политичките власти и полицијата. Тоа се Dzwignia и Miesięcznik Ltteracki. Хронолошки пред иде збирката со песни Dymy dad miastem (1927). Таа е полна со содржина од борбата на работниците. Во неа меѓу другите е и песната Na śmierć rewolucjonisty:

Од оваа празна и студена келија
ќе треба веднаш да се бега. (. . .)
Смртта не ќе биде тешка (. . .)
Треба да знаеш да умреш;
в прицелна цевка да гледаш смело
додека се скочани подлоста со зарумен
лик и в упла замолкне стрелба!

Всушност оваа песна му е посветена на стреланиот резолуционер комунистот — херој Ботвин во 1925 год., човек кој знаеше зошто живее и зошто треба да умре. Во оваа песна поетот смртта ја претворил во знаме на смелите. Иако станува збор за трагични моменти во неа доминираат акцентите на верата во човекот и делото на револуцијата.

Борбата на полскиот пролетаријат и тесната врска на поетот со неа е демонстрирана во низа други песни посветени на граѓанската војна и нејзините пионери во збирката Dymy nad miastem (1927) каде што влегоа и песните што беа објавени во „Три Салви", поранешните „Ветерни мелници".

Оваа поезија е изградена на неговите идејни основи. Во неа доминира духот на пролетерскиот интернационализам, бидејќи тематика е борбата на полската работничка класа, што го бара тоа.

Главна цел на Броњевски е да зборне директно со полскиот пролетаријат. Тука се појавуваат метафорички слики, чиј социјално-политички смисол е наполно читок и јасен[6]

Броњевски честопати сам ја декламирал својата поезија пред работниците, како што правел и Мајаковски, кого сам поетот го определува уште 1922 год. во својот дневник: „Мајаковски е најглавниот од сите, тој мене ми го откри новиот свет. Епос. Револуција — нејзината апотеза. Култот на масите. Поезија — борба. Општествената определеност на поетот. Новите форми. . ."

---

[6]) Т. П. Агапиина, Историја на полската литература II том стр. 322.

Поетот секогаш се трудел да биде едноставен при искажувањето на своите поетски чувства, оттука иде и неговата разбирлива форма и јасноста на мислите, полни со идејност и богата пролетерска содржина.

Од зрелиот период на творештвото на Брољевски, пред сè, треба да ги наведеме песните посветени на борбата на пролетаријатот и на работничката класа воопшто на пр. Zagłębie Dombrowskie е песна посветена на победоносните истапувања во Домбровскиот базен и Шлезија 1930—1931 год. Поетот на најреалистичен начин ја опишува таа борба во која ја насетува кризата што настапува. Оваа песна започнува со инвокација:

Црна шахто што молчиш,
ќе оживееш и ќе продолжиш да бидеш
по гнев како камен-јаглен,
лифти на лошата песна — долу!

Во метафората камен-гнев, несомнено, се крие гневот на рударите и силниот пламен во нивните корави срца — како камениот јаглен кога бидува фрлен во пламеното огниште.

Целата песна е проникната со инвокација од две категории, со романтичен патос и со реалистичко опишување на стварноста во базенот. Силата на оваа песна се состои во тоа што поетот ја манифестира моќта на работничката класа, го издига до врв нејзиниот глас. Во неа секој збор претставува буре со динамит, со кој рударите го урвиваат подземјето Оваа песна, во која ќе ги сретнеме зборовите: „Со гнев, моја песно, најдлабоко во земја врати се", многу, ни го пропомнува Христо Смирненски со своите „Јагленокопачи".

За силата на дејствувањето на оваа поезија над широките народни маси зборува следниов факт во градот Лвов кога на конгресот на работниците на културата, организиран од страна на КПП, поетот ја декламираше оваа песна. На последните зборови „Пали! Готово? . . — две илјади души на спонтан начин одговорија: „Готови"[7]

Брољевски стана поет што се сроди со борбата на полскиот народ, која се отразуваше во таа поезија како во огледало во кое гореше борбениот пламен на полскиот пролетаријат.

Песната Łódz беше напишана врз истата основа. И во неа имаме инвокативни строфи полни со лиризам и современ нему реализам:

На срце тежи грижа и песна,
грижата скриј ја в срце и носи ја,
а песната-камен дигни и фрли ја.
Лоџ се буди в црн дим, испрлен.
Секое утро сирените бијат,
црвени цигли — денот е рана,
тупаница грозна оџаците вијат,

[7]) Ана Миљска, Полски писатели, Варшава, 1965 год. стр. 391.

ноќта в капка јод е претворена,
нека таа капка денот наш го згрее;
црн гнев крај брегот, истури, полно,
ќе застанат цехови и разбој
смртта ќе се извлече од клопчето волна.

Во оваа песна метафорите и споредбите полни со емоција ѝ се потчинети на содржината. Грижата и песната се тешки како камен. Тие на поетот му тежат на срцето. Тука се чувствува страшниот гнев на работниците од градот Лоџ. Поетот ја чувствува разбунтуваната душа на пролетерите: „Секое утро сирените бијат, в црвена цигла дено е рана, тупаница грозната оџаците вијат. . ." — тоа всушност е тупаницата на разгневените работници со отворена рана, што поетот ги повикува на револуција, односно ја сигнализира револуцијата. Црвеното знаме го развива:

„Црвени птици ќе летнат на горе" и гневот ќе биде претворен во полет и радост за новиот ден на кој никој не ќе може да и застане на патот.

Во збирката Krzyk ostateczny (1938) поетот го воспева братството со Советскиот Сојуз (Magnttogorsk) и Шпанската револуција. Поетот во оваа збирка протестира против насилствата што ги врши Европа над безработните пролетери. Поетот е уверен дека времето на маките и насилствата е кон крајот. Тој на инвокативен начин се обраќа кон историјата и ѝ потскажува дека од утре започнува се од ново. Затоа насилството со насилство треба да биде отстрането. Тој како бог го благословува блесокот што го носи громот. Бесмртни знамиња на Шпанската револуција ќе останат песните: No pasaran, Cześć i dynamit кои се преполни со болка и гордост. Во насловната песна Krzyk ostocteczny е воспеано претчуството на шпанската трагедија и катастрофата на една револуција овенчана со трнливиот венец на маките и страданијата.

Мојот стих братството и еднаквоста го слави,
тој е полеан со крв од сопствените рани.
Ако умре, нека го остави
зборот на надежта: No pasaran!

Брошевски е најреволуционерниот поет — претставник на полскиот пролетаријат. Do towarzysza więznia е песна што го издигнува моралот на затворениците, велејќи им дека тие не се сами, со нив е ситот полски народ кој се бори, со нив е партијата. Со вакавите борци поетот е уверен дека капиталот мора да клекне.

Од историска тематика на неговата лирика треба да ги споменеме двете творби: Elegia o śmierci Ludwika Waryńskiego и поемата Komuna Paryska. Иако загинал далеку од својата татковина Варињски се вратил во неа како идеја и станал симбол на полската револуцијо.

„Комуна Pариска“ беше конфискувана, но неколку стотици примероци успеале да стигнат до рацете на читателот. Тоа е најголемата поема на Броњевски во која ја насликал од почетокот до крај Париската комуна, со жртвите и крвопролевањата, со заповедите на Генерал Галифе па, се до нејзиниот трагичен крај:

Барикадо биј се!
бестрашно гини!
Победата е наша ,
одмазда ќе има.
Работнику клет
Гледај и помни!
Пролетери и вие
Од Франција — цел свет!
Барикадо гини,
крени го знамето горе!
Слободна до крај,
падни и крај,
последна, грозна
в мртвиот Париз
непобедена,
непобедена!

Революционерните идеи во оваа поема дејствуваат како огромна сила што и по поразот останува непобедена. Броње вски како човек комунист, како поет со огромна динамика, го подвлекува братството и солидарноста на меѓународниот пролетаријат со Парисkата комуна

Меѓународната солидарност Броњевски ја воспеал и во други свои творби. Така по случај убиството на Сакко и Ванцентиво Америка — обата революционери, напишал песна под наслов: Pra wodawcom.

Во времето на Втората светска војна Броњевски напишал низа писни што го дигааа полскиот народ во борба против окупаторот. Во лириката од овој период јасно се гледа неговото чувство на пролетерски интернационализам, неговата вера придружен а со длабока доверба и љубов кон Советскиот народ — надежта за ослободувањето на неговата татковин а. Поетот пред влезот на изгорената Варшава ќе рече:

Прекрасна и горда Варшаво, слава на урнатините твои, слава
Сакам да ги бројам и ба кнам твоите измачени цигли.
Белорусио и Украино дајте ми ја раката да ви ја стиснам здраво.
Вие ќе ми го дадете непокорниот срп и чекан да ги дигнам.

Песната Syn podbytego narodu носи само болка и надеж ко борбата за ослободување на неговата поробена татковина. Во истиот дух е напишана и песната *Żołnierz polski*.

Во време на војната кога Русите го ослободија Љвов Броњевски беше во градот. А во 1941 год. тој беше заедно со емиграцијата во Палестина, а песните што ги напишал таму се полни со тага за татковината. Таа средина на капитализмот и колонијализмот беше туѓа за него. Поетот таму ги напишал книгите: Balade i romanse и Żydom polskim. Во оваа последнава ги воспева херојските подвизи на варшавските Евреи во Гетото.

Низа песни поетот ѝ посветува на својата жена, што била испратена од окупаторот во Ошвјенчим и на неговата веќе осамена ќерка. Творештвото од времето на окупацијата поетот го собра во две збирки: Bagnet na bron и Drzewo rospaczające (1945).

Со првата вест за ослободувањето на татковината поетот напиша песна под наслов Do domu и се врати. Неговото творештво во периодот на изградбата на социјализмот е од големо значење. Тој им остана верен на своите идеи и идеали. Така ја напиша поемата Pięćdziesięciu посветена на пеесеттемина што биле стрелани 1943 год. во Варшава.

Тие само пеесет беа,
но по нив тргнаа милиони
во војната да мреат
за среќа и несреќа оддалечени
од денот. Беа само пеесет,
а ние тупаници редевме...

По враќањето од Ошвјенчим умира неговата жена, а веднаш потоа низа нови песни ѝ посвети на нејзината памет. Поетот со сета болка од трагедијата на неговата фамилија сака да се врати во преградките на секојдневниот живот што врие — изградбата на разурнатата од војната татковина и новиот живот — социјализмот. Најдобар пример е Most Poniatowskiego што завршува со трофава:

Народен мост,
на трудољубивиот народ,
нека минат преку
со војнички чекор.
Живот треба
труд и време
мост градиме,
— П о л с к а.

Ако Броњевски беше и ѝ остана најблизок поет на работничката класа, тоа иде оттаму што неговите читатели се наоѓаа најчесто самите во творештвото на саканиот поет. Неговиота поезија ја читаа и од неа се насладуваа најшироките народни маси. Броњевски е еден од најчитаните поети и денес во Полска, бидејќи според Јулjан Тувим: „Тој располага со необична тајна во поезијата полна живот и борба, а таква поезија со живот и борба нема никој друг од неговото поколение, и одвај неколку големи поети од минатото".

Броњерски го ценеа не само големите поети, туку и прогресивната критика во Полска која со најубави зборови ги покажа неговите големи заслуги како во предвоена капиталистичка Полска, така и во

време на окупацијата и во Народна Република Полска. Трогателни се песните посветени на неговата ќерка која умрела многу млада. Овие песни се издадени под наслов Anka (1956).

За неговото творештво поетот беше двапати награден со Држав. ната литературна награда (1950 и 1955). Броњевски беше и си остана поет на современоста и иднината на Полска. Покрај прогресивната и филозофска мисла во неговата поезија е предадена со целата раскошна убавина на полската природа со извонредниот пејсаж на Мазовше со гордата и непокорна Висла.

* * *

Индивидуалниот облик на реализмот на Броњевски, иде од самиот развој на неговото творештво и неговиот однос кон големата традиционалност. На прво место корените на оваа поезија се наоѓаат во основите на полската револуционерна романтичарска поезија, во основите на револуционерно-демократското струење на романтизмот.

Броњевски доаѓа како идеен продолжувач на револуционерниот романтизам. Поетот во својата статија под наслов Dziś i jutro poezji w Polsce основите на врските со традиционалноста ги дава, повикувајќи се на Warszawianka од Święcicki и Mazur Kajdaniarski од Warynski, бидејќи поетот во нив гледа „прометејска мерка на своето победоносно утре". Броњевски добро знае и цени сè што беше големо и позитивно, и револуционерно во најбурните денови на големата епоха во Полска — романтизмот. Така во песната Robotnicy одекнува тонот на Oda do młodości. Таков револуционер н романтичар е и во песните Pionierom, Poezja и др. Ваквата поезја беше резултат на тоталната ангажираност на поетот кој ги бара револуционерните зародиши и ги прилагодува на новата современа почва.

Истовремено овој поет полемизира со политичката реакција која ги фалсифицираше роматичките лозунги и со помошта пак на романтичарскиот речник изградува политичка поезија, каков што е примерот со Ballada o placu Teatralmym.

Големиот поет внесува во својата поезија револуционерно единство вплетувајќи го романтизмот со реализмот како намерно противставување на романтичниот осаменик, залажувајќи на таа почва нов современ револуционерен херој. Броњевски во еден свој предговор ќе напише: „Ние сме работници на зборот. Мораме да го искажеме тоа што други луѓе од рабитилницата не можат да го искажат. Во безмилосната борба на пролетаријатот со буржоазијата стоиме решително на левата страна на барикадата. Гнев, вера во победата и радост, за нов општествен поредок".

Во оваа поезија на прв план доаѓа револуционерната дејност која претставува израз на новата идејна основа. Тоа е стремеж за спојување на пролетерската ангажираност и партијност, интернационализам и патриотизам. Оваа основа иде од посветувањето на поетот на идеологијата на работничката класа, односно неговото зближување со

таа класа и создавањето на нов херој — револуционер, во каков што се разви самиот Броњевски.

За создавање на нов револуционерен тип како пример му послужи Мајаковски. Самиот поет вели дека: „Најсилно врз мене дејствуваше современата руска револуционерна поезија — на Мајаковски му го должам крајното раскинување со оствареноста и односот кон зборот како орудие за борба...“ (Тоа се зборови од анкетата објавена во Wiadomości Literackie под наслов: Co zawdzięczają pisarze polscy literaturom obcym.

Стремежот да сè дојде до проста и разбирлива форма која беше неопходна за намената на оваа поезија што имаше за цел да помогне во борбата на пролетерските маси во таа земја, го натера поетот да најде и соодветен јазик неопходен за револуционерната содржина бараше проста и разбирлива форма и како резултат доаѓа сам по себе познатиот реализам на Броњевски. Поетот со тоа ги остави далеку зад своите плеќи сите напредни буржоаски поети и го отвори патот на современиот неореализам во полската поезија.

ПРИКАЗИ И БИБЛИОГРАФИЈА

ПОВЕЌЕ ОД НЕОПХОДНО

(В. И. Кулешов: ИСТОРИЯ РУССКОЙ КРИТИКИ, издание второе, исправленное и дополнеенное. Москва „Просвещение„ 1879)

Трудот на професорот Кулешов заслужува внимание од две причини: прво, и тоа е она најзначајното, со него се ублажува една чувствителна празнина во науката за литературата од 18 и 19 век, што беше настаната поради недоволната или еднострананата информираност за развитокот на руската критичка мисла. Растот и настанувањето на руската литература како национален феномен нормално е да бил проследен и со соответен развиток на литературно-критичкото и литературнотеориското сознание на јавноста кое од своја страна ја создавало онаа неопходна клима за литературно создавање. Во постојан судир и борба на мислењата еволуирало сознанието за литературата, се менувал односот кон делото, се укинувале старите и се поставувале нови барања пред литературните творци. А литературната критика во Русија не се задржувала само во своите професионални рамки — тоа е впрочем нејзина основна и доминантна карктеристика — и смело навлегувала во објаснување и решавање проблеми кои од своја страна биле или чисто филозофски, или економски, политички, социјални и др., со еден збор таа се ангажирала со сите проблеми за кои постоел интерес во руското општество што произлегувале од животот и состојбите во него. Недостигот на елементарни човечки и политички слободи во Русија од минатите векови придонесува да се прошири значењето и местото на литературата во животот на нацијата, но уште повеќе ја мотивира литературната критика да израсне во вистински гласноговорник на општествените стремежи и идеали. При ова критиката често наместо за литературното дело зборувала по повод на делото, а литературните теми и прашања ги заменувала со други.

Кога се разгледува трудот на професорот Кулешов импресионира разновидноста, многустраноста и богатството на литературните и општествените идеи кои ја бранувале руската литературно-критичка мисла од 18и 19 век. Иако во својот растеж таа ги нема достигнато дострелите на литературата не може да се спори со фактот дека големата руска литература растела и се развивала под непосредна грижа на една голема литературна критика.

Предложенава „История русской критики", без да навлегува во подробности, запознава со основните, есенцијални ставови на најважните претставители на одредени литературни групи и појави. Не наметнувајќи го својот став авторот успева да заинтересира за понатамошни истражувања во оваа досега малку истражувана област.

Второ — а тоа се однесува специјално на ова ново издание на делото — заслужува внимание новиот пристап и новата концепција со која авторот ѝ пристапил на литературно-критичката материја. За разлика од првото издание на делото /„Исория русской критики", Москва 1972/ во новото издание авторот ја менува определбата на критиката како една од разновидностите на литературната активност. Дефиницијата од првото издание:

> критиката е теориско самосознание на литературните правци, активно средство на борбата за утврдување на нивните творечки принципи, начин за објаснување и оценка на уметничките дела

претрпела промена во смисла што е изменет редоследот на карактристиките и сега гласи:

> критиката е начин за објаснување и оценка на литературното дело во светлината на определени концепции, теориско самосознание на литературните правци, активно средство на борбата за зацврстување на творечки принципи.

Но ова сепак не е само промена на местата а крие во себе и нов вредносен пристап кон проблемот.

За одбележување е уште што во новото издание сретнуваме и ново групирање на обработениот материјал. Ако во првото издание развитокот на литературно критичката мисла е проследен хронолошки според литературните правци на кои критиката им припаѓа: /глави: ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА РУССКОЙ КРИТИКИ В XVIII ВЕКЕ, РОМАНТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В РУССКОЙ КРИТИКЕ, НА ПОДСТУПАХ К РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ КРИТИКЕ, СОЗДАНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА, ВРАЖДЕБНЫЕ РЕАЛИЗМУ НАПРАВЛЕНИЯ В КРИТИКЕ, ДАЛЬНЕЙШАЯ РАЗРАБОТКА РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕНЦИИ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА, КОНСЕРВАТИВНО-РОМАНТИЧЕСКИЕ И РЕАКЦИОННО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В КРИТИКЕ, ВНУТРЕННИЕ ТЕЧЕНИЯ В РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ КРИТИКЕ, АНТИРЕАЛИСТИЧЕСКИЕ, ДЕКАДЕНТСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В КРИТИКЕ, ПЕРВЫЕ РУССКИЕ МАРКСИСТЫ О КРИТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ РЕАЛИЗМА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ./ во второто издание авторот се ослонува врз лениското учење за трите етапи на ослободителното движење во Русија како на принцип за основна пе-

риодизација. На овој начин постигната е значително поупростена концепција и целиот материјал е распореден само во четири глави. /ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ, В 30—90-х ГОДАХ XVIII ВЕКА, ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ДВОРЯНСКИЙ ПЕРИОД ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА, ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В РАЗНОЧИННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. 60—80-е ГОДЫ XIX ВЕКА, ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ПРОЛЕТЕРСКИЙ ПЕРИОД ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. 90-е ГОДЫ XIX ВЕКА /ДО 1917 ГОДА//. Предност на новата концепција може да биде тоа што се избегнати уште во самите наслови непотребните строги оцени и судови за појавите во критиката во одредени периоди. Ова во толку повеќе што авторот им пристапува на овие појави со неопходна широчина, ги расветлува многустрано и остава место за далеку подруги судови од оние што се дадени во насловот на главите.

Новина во второто издание претставува што е претставена и критичката дејност на Достоевски и Л. Толстој, за сметка на Островски, информацијата за кого е изоставена.

Сè на сè „История русской критики" е дело повеќе од неопходно за едно поблиско запознавање со богатата и многустрана традиција на литературно критичката мисла во Русија во претходните два века.

Д. Бошков

ДОСТОЈНО НА ЈУБИЛЕЈОТ

Едно по друго 1977 и 1978 година во книжарските витрини кај нас се појавија романот „Што да се прави" и магистерската дисертација „Естетските односи на уметноста кон стварноста" од Николај Гаврилович Чернишевски. Намерно или случајно нивното излегување /по прв пат/ на македонски јазик се совпадна со стоипедесетгодишниот јубилеј на нивниот автор — човекот што ја задолжи историјата на Русија, што од средината на минатиот век направи епоха и чие влијание беше до скоро писутно во интелектуалниот развиток на прогресивните и революционерни движења во Европа и подаелку.

Чернишевски е појава која тешко може да се дефинира. Тргнувајќи секогаш од она што во дадениот момент му е најнеопходно на народот, имајќи го секогаш предвид неговиот интерес и интересот на општиот прогрес и развиток на земјата Чернишевски го определува и го изменува својот научен и литературен интерес и ја одредува својата општествена активност. Него го карактеризира длабока вера во револуционерната преобразба на Русија. Тој е ревлуционер. И револуционерот е присутен во сè она што е регистрирано како дело и активност на Николај Гаврилович Чернишевски. Немајќи можност за легална општествена и револуционерна дејност тој ќе се ангажира како литературен критичар во едно настојување: зборувајќи по повод на литературата да зборува за проблемите на општеството. Тоа истото Чернишевски ќе го стори и со естетиката, во која ќе изгради свои сопствени мерила и норми, свои критериуми и дефиниции, свое определување на прекрасното, на возвишеното, на трагичното, свое видување на местото на уметноста и посебно на литературата во животот на општеството и секогаш со една единствена цел — да може и литературата и уметноста и естетиката како наука корисно да му служат на делото на револуцијата. Со истите побуди ќе се зафати и со проблемите на филозофијета и економиката, а подоцна, во петропавловскиот затвор — лишен од се какви други можности за революционерна активност — ќе го напише романот „Што да се прави", всушност ќе стане романсиер за да може пак да биде корисен на револуцијата. Зашто романот „Што да се прави" е пред сè упатство, воведување во револуцијата, во една дејност која треба да доведе до револуционерни промени во животот на човекот и општеството.

Кога денес се препочитува романот на Чернишевски фрапира неговото широко гледање на револуционерниот процес во основата на кој стои човекот како негова основна движечка сила. Но човекот до ова треба да дорасне, да развие во себе нов квалитет на човечност и благородност, своите генетички можности свесно да ги трансформира и преобрази во една сакана насока, кон една сакана цел. Денес не е тешко да зборуваме за нереалното, па дури и за утопиското во сваќањето на авторот — впрочем за ова зборуваат и современиците на Чернишевски — но исто така не е тешко, а може би е и неопходно да истакнеме дека за нас во сегашниов миг револуционерната преобразба е далеку посложен, компликуван и не наполно одгатлив процес, и дека социјализмот како општествено уредување, чија визија е дадена во романот, нема и не може да има толку јасни, толку невдосмислени и прецизни димензии како што тоа му се чинело на големиот мислител. Секое време има свои сознанија но без оглед на евидентните слабости на минатото што нашле свое место и во романот на Чернишевски вистинско е задоволство да се чита ова дело пишувано од еден сѐстрано надарен, сѐстрано образован автор — вљубеник во животот и во триумфот на неговите светли начела.

Скопското издание на „Што да се прави" — во превод на Саша Маркус — пропратено е со еден совесно напишан поговор од д-р Ефтим Кафеџиски.

„Естетските односи на уметноста кон стварноста" — во превод од Спиро Накев — претставува избор од повеќе значајни трудови на Чернишекски. На прво место стои магистерската дисертација /Естетските односи на уметноста кон стварноста/, потоа авторецензијата кон истата и предговорот кон нејзиното трето издание. Од познатите „Есеи за гоголевскиот период на руската литература" во македонското издание е објавен само првиот. Од бројните литературно-критички статии на Чернишевски во изборов се застапени „Сиромаштијата не е грев", „Детство и момчештво" и „Воени расказ" и Русин на рандеву."

Како предговор е објавена статија од Г. Соловјов во скратен вид а на крајот е дадена многу неопходна и сериозно подготвена научна апаратура /ќе беше подобро ако беше наведен и изворот на апаратурата/.

Поздравувајќи ги овие изданија на делата на Чернишевски на македонски јазик потребно е да истакнеме дека македонските издавачки куќи МИСЛА, КОМУНИСТ, КУЛТУРА, НАША КНИГА, МАКЕДОНСКА КНИГА и ЗИД НОВА МАКЕДОНИЈА на овој начин дале свој голем и достоен придонес во одбележувањето на стопедесетгодишниот јубилеј на Николај Гаврилович Чернишевски.

Д. Бошков

РУСКО-СРПСКОХРВАТСКА КЊИЖЕВНА БИБЛИОГРАФИЈА: ПОСЕБНА ИЗДАЊА: КЊИГА ПРВА 1918—1941) / САСТАВИО САВА ПАЛАНЧАНИН; ПОД РЕДАКЦИЈОМ ЖИВОЈИНА БОШКОВА И ВИТОМИРА ВУЛЕТИЋА. — НОВИ САД: МАТИЦА СРПСКА, 1979. — 400 СТР.; 20 см. — ПЛАТНО.

Састављање библиографије је дуг и мукотрпан, али захвалан посао јер, будући на почетку и у основи сваког научног истраживања, добра библиографија интензивно живи докле год постоји интересовање за предмет на који се она односи или док на буде замењена бољом библиографијом. А шта се лепше може пожелети књизи од дугог века и честог читања. У југословенској славистици и, уже, русистици у области библиографија, било ретроспективних било предметних, постоји приметна празнина у којој, када је реч о руско-српскохрватским књижевним везама, усамљено стоје две веће библиографије: једна А. Л. Погодина, друга Југославенског лексикографског завода (том 7, III). Разликујући се од прве више по временским границама, а од друге по изворима библиографске грађе (с обзиром на то да су овом књигом обухваћена посебна издања) *Руско-српскохрватска књижевна библиографија* се на обе претходне природно наслања и са њима се узајамно допуњује. Како из уредничког предговора сазнајемо, ова књига замишљена је као први део веће библиографске целине којом ће бити обухваћена читава област руско-српскохрватских књижевних веза.

Руско-српскохрватска књижевна библиографија има три дела: Библиографија превода по ауторима (стр. 11—185; 1600 библиографских јединица), Литература о ауторима (стр. 185—267; 858 библиографских јединица) и Регистри (стр. 267—399). Свака библиографска јединица описана је веома подробно и прегледно, а у првом делу опис је понегде пропраћен илустрацијом насловне стране или корица дела на које се одговарајућа библиографска јединица односи. Поред посебних радова библиографијом су обухваћена и поједина места у радовима општијег карактера која би могла бити занимљива за проучаваоца руско-српскохрватских књижевних веза. У другом делу библиографским описом је поред литературе о ауторима обухваћена и литература о њиховим делима или неким радовима који јесу у вези с предметом библиографије, али не и са појмом ауторства (на пример: руска народна књижевност, руске тужбалице, руска штампа, руске библиотеке, руске школе и Срби, руски језик и сл.). Овде треба дати једну напомену. Пошто

је, с једне стране, у другом делу литература о ауторима много обимнија него литература о њиховим делима и пошто се, са друге стране у напоменама састављача други део назива Литературом о руској књижевности, није сасвим јасно да ли је литература о делима (расправе, анализе, прикази и сл.) спорадично заступљена у овој библиографији или је то резултат одређене концепције која је, у том случају, у уводним напоменама могла бити експлицитно изложена. Уколико су дати радови регистровани стога што садрже неку вреднију информацију о ауторима, то се могло боље истаћи аналитичком обрадом библиографске јединице, као што је у овој библиографији на више места и учињено.

Судећи по таквим примерима могло би се закључити да приликом састављања *Руско-српскохрватске књижевне библиографије* није вршен одбир грађе према њеном значају за научно-истраживачки рад у овој области него је покушано да то буде у највећој могућој мери кумулативна библиографија у оквиру свог предмета. То, наравно, има како предности (пре свега због потпуности библиографије) тако и недостатке, јер се регистровањем мање значајних радова донекле отежава њено коришћење и пут до важнијих библиографских информација. Са друге стране, на овај начин постигнута је највећа могућа објективност састављача у његовом односу према библиографској грађи.

Регистрима, који чине трећину књиге, посвећена је посебна пажња итекако пожељна у радовима ове врсте. У тражењу библиографског податка читаоцу — кориснику библиографије на располагању је пет регистара: регистар наслова оригинала, регистар наслова превода, регистар личних имена и места издавања, регистар преводилаца и хронолошки регистар, што умногоме олакшава коришћење библиографије. У оквиру другог, трећег и четвртог регистра посебно су дати регистри за радове штампане ћирилицом и за радове штампане латиницом.

У књигама као што је *Руско-српскохрватска књижевна билиографија* тешко је потпуно избећи ситније грешке, углавном техничке природе, и мање недоследности састављача у примени изабраног метода библиографског описа (на пример, код разрешавања иницијала и скраћених имена). Таквих случајева у овој књизи нема много. Стручњаку за руски језик и књижевност једна наизглед ситнија ствар ипак боде очи мало више од осталих. То је српскохрватска транскрипција руских личних имена која би, иако важећим правописним одредбама није најсрећније решена, требало да буде бар доследно спроведена кроз целу књигу. Супротно нам показују примери као Нечајев поред Њекрасов, Верешчагин поред Кавјерин, Вербицка поред Крупскаја, Белински поред Аненскиј и сл.

Појаву прве књиге *Руско-српскохрватске књижевне библиографије* треба свакако поздравити, као значајан допринос и подстицај за даљи истраживачки рад у овој области, и пожелети да рад на најављеним наредним књигама ове библиографије буде исто тако успешно и у што скорије време приведен крају.

П. Пипер